

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИКЪ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ КАДНИКОВСКАГО У҃ЗДА.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (*).

I.

Случается въ извѣстной мѣстности общественное бѣдствіе, напр. моръ скота или большая смертность людей, мужики не прибѣгаютъ къ обыкновеннымъ врачебнымъ пособіямъ, что почти невозможно, при трудности даже подступиться къ какому нибудь безграмотному ветеринару, — не прибѣгаютъ и къ тѣмъ, довольно обычнымъ сугубѣрымъ дѣйствіямъ, къ которымъ простой народъ любить прибѣгать въ другихъ мѣстахъ, т. е. не ъздятъ напр. на бабахъ опахивать деревню сохой, чтобы не могла войти коровья смерть, не бьютъ прохожихъ старухъ, считая старую каргу за холеру или кикимору, разносчицу холеры; а дѣло принимаетъ такой оборотъ:

Взносятъ мужички «кубенскимъ волкомъ», т. е. погорюютъ, поплачутъ, подумають со своими «старухами», т. е. женами, и «ребятами», которые имѣютъ уже по сороку и больше лѣтъ, и соберутъ сходку изъ одной или двухъ деревень.

Въ одинъ изъ этихъ лѣтнихъ вечеровъ большаки — хозяева домовъ понемногу выходятъ на улицу, за ними плетутся бабы, старухи, ре-

(*) Статья первая помѣщена въ X № «Современника» 1864.

батишкіи, выходяще молодые жители деревни. Все это заботливое, усталое и теперь страждающее человечество движется мрачно, угрюмо, но не забито, не беспомощно.

Въ каждой деревнѣ непремѣнно есть какая нибудь завалишка, старое гниюще бревно, куча жолобовъ или какой нибудь холмикъ—любимое мѣсто общихъ бесѣдъ, куда въ свободное время, въ праздникъ, посѣгъ работы вечеромъ и любятъ собираться старые и молодые обитатели деревни потолковать, побалагуригъ, даже просто полежать, поглазѣть на небо, на знакомую улицу, на покривившееся крыльцо, въ ожиданіи чьего нибудь прихода; — это своего рода клубъ. Сюда-то собираются все почтенные и разумныя головы деревни — лысыя и не лысыя, разнаго рода бороды клиномъ и лопатой, садятся, ложатся и становятся въ кружокъ. На заднемъ планѣ становятся бабы, печально подперши подбородокъ рукою и тяжело вздыхая, — глупые ребятишки, удивляющіеся необыкновенному явленію въ ихъ муравейникѣ и потому стоящіе смирно.

Настаетъ глубокое молчаніе; не слышно ни остроты, безъ которой крестьянинъ, кажется, не можетъ обойтись ни минуты, ни браня ребятишекъ, ни одного слова, даже бабы сдерживаютъ свои глубокіе вздохи, только кой-гдѣ впідно движеніе руки, по обычаю почесывающей затылокъ. Все стонѣтъ, спидѣтъ и лежитъ задумчиво, грустно, думаетъ думу глубокую, думу тяжелую.

— Ну, ребя, начинаетъ самая поштенная голова: — нонѣшнее лѣто намъ приходится больно тудо.

— Да, дядя, тудо, — задумчиво отвѣчаетъ гурьба.

— Што же, братцы вы мои, танерича вы думаете?

На этотъ вопросъ никто не отвѣчаетъ.

— Для примѣра, продолжаетъ поштенная голова: — нопѣ у насъ скотъ валится, какъ муха на сметанѣ съ мухоморомъ.

— Вѣстимо, какъ муха на сметанѣ.

— Выпадегъ, стало быть, корова, выпадегъ, для примѣра, весь нашъ конь, — дѣло наше, какъ есть ни къ ладу не будегъ годигться.

— Досконально, дядя, ни къ ладу. Гурьба повторила собственное выраженіе оратора.

— Такъ что же начнѣ танерича поробить?

Гурьба опять молчитъ не потому, что не знаетъ, что мужикамъ поробить въ такихъ крѣтическихъ обстоятельствахъ, а потому, что желаетъ выслушать умную рѣчь.

— Примѣрно, братечко ты мой, я мекаю, надо поднять Хрола и Лаврата...

Долго гуторила; наконецъ порѣшила.

— Хлорà и Лаврà; оно же и близко, стало, сподручно,—кричать большинство.

— Ну, Хлорà такъ и Хлорà съ Лавромъ... Мы не прочь и отъ Хлора, соглашаются остальные.

— Стало порѣшили съ Хлоромъ; таперича чтобы Хлоровъ день всегда былъ у насъ праздникъ и дѣтамъ закажемъ, да чтобы и они показали это своимъ дѣтамъ...

— Безпремѣнно...

— Ну такъ таперича для примѣра, пиво, выходить, станемъ варить, причеть созовемъ, православныхъ христіанъ малу-толику угостимъ... Снимайте шапки да помолитесь Николь—и дѣлу конецъ...

Всѣ сняли шапки, обратились въ ту сторону, гдѣ стоять церковь, и положили по три поклона. Дѣло совсѣмъ рѣшено; праздникъ установленъ. Еще показывавши кой о чёмъ, всѣ разошлись.

Вотъ начало новыхъ праздниковъ въ самое время невзгодъ. Много этихъ праздниковъ учреждено было на моихъ глазахъ. Вновь учреждаемые праздники не имѣютъ того полнаго характера старыхъ сельскихъ праздниковъ, начало которыхъ теряется въ глубокой древности, и потому они бываютъ не такъ торжественны, какъ послѣдніе: они устроются вскоро, устроются, когда еще бѣда виситъ надъ головою...

Для примѣра беремъ старый праздникъ, потерявший свое начало. Это одинъ праздникъ въ селѣ Никольскомъ. О началѣ этого праздника забыли не только нынѣшніе люди, но даже покойные—Стрекула и Шарапѣонъ, такие люди, которые если бы жили одинъ послѣ другаго, то изъ жизни ихъ составилось бы около двухъ сотъ лѣтъ, — и тѣ не знали, когда и почему начали праздновать этотъ день. Вотъ старый лячакъ,—такъ тогъ знаетъ, по какому случаю установленъ этотъ праздникъ у Никольскихъ церквониковъ.

Тамъ среди поля стоитъ высокая и красивая гора, и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поросшая высочайшимъ елами и развесистыми боровыми соснами, по къ сожалѣнію вариарски уродуемая топоромъ лѣнтиевъ, которымъ лѣни спусгиться шаговъ лесать да же, чтобы тамъ парубить дровъ. Какой великолѣпный видъ съ этой горы на волнующаюся нивой поля, на окружныя деревни и цѣльные приходы, на дикость лѣсовъ и бесплодіе болотъ, расположившихся у ея пошомжіа!. На склонѣ этой горы стоять домы церквониковъ... Въ прежнія времена гора была густо покрыта стогѣтными елами и соснами... Волки ли завелись на горѣ, или такъ не понравился жителямъ склона этой горы чудный лѣсъ, краса окрестностей, поднявшій свои верхи на десятки сажень надъ окружными долинами и низыокими холмами, — только вышло то, что его вырубили. Черезъ эму и лѣто въ

августѣ мѣсяцѣ издумали поджечь пересохшій лѣсъ. Пустили огонь. Подудъ вѣтеръ. Красное пламя мгновенно обхватило всю гору; сотнями кровавыхъ языковъ взвилось подъ самыя облака; запыпалъ страшный пожаръ. Большая опасность предстояла домамъ... Умные жители нагорья струсили не на шутку, взвыли бабы и всѣ дали обѣтъ, что если пронесется бѣда мимо, — они будутъ всегда праздновать этотъ день. Бѣда миновалаась. На пожарищѣ посыпали рожь. Рожь выросла великолѣпная. Ее сжали, вымолотили, вымочили, выпарили, высушили, намололи союду и наварили несмѣтное количество пива... Весь приходъ пилъ пиво полторы недѣли...

II.

Сельскій праздникъ, какъ большое торжество, требуетъ не мало приготовленій, которыя начинаются за нѣсколько дней до праздника.

Прежде всего передъ праздникомъ становится замѣтнымъ уменьшеніе перевозки льна, рѣже и рѣже виднѣются высокіе, медленно-двигающіеся, зеленые возы. Обыкновенно съ начала августа тысячи возовъ льну вывозятся изъ лѣсовъ въ ближайшія деревни. Ленъ составляетъ главную статью промышленности описываемой мѣстности. Такъ какъ ленъ чрезвычайно истощаетъ почву и безъ того чрезвычайно тощую, песчаную, каменистую, и потребовалъ бы подъ себя много пахатной земли, то онъ на поляхъ почти совершенно не сбѣтается. Его сбѣтываютъ на такъ называемыхъ *новинахъ* или *подсѣкахъ*, въ лѣсу. Для этого обыкновенно вырубается въ извѣстномъ мѣстѣ лѣсъ, просушивается и сожигается. На выжженномъ мѣстѣ сбѣтается ленъ и боронится особенными боронами, сдѣланными изъ расколотой вѣтвистой ели; нѣсколько словныхъ досокъ съ сучьями сколачивается вмѣстѣ; сучья замѣняютъ зубья обыкновенной бороны. Ленъ на подсѣкахъ растетъ прекрасный. Довольно большой участокъ лѣса для вырубки и посѣва льна можно пріобрѣсть за безцѣнокъ, разумѣется не въ казенныхъ, гдѣ это воспрещено, а въ помѣщицкихъ лѣсахъ. На одномъ участкѣ ленъ сбѣтается не больше двухъ разъ и участокъ снова остается пустыремъ лѣтъ на десять или пятнадцать, пока не выростетъ на немъ новый лѣсъ...

Выѣстѣ съ прекраснѣемъ усиленной работы начинается первое и самое главное изъ приготовлений къ празднику-варка пива. Пива приготавливается неимовѣрное количество. Больше состоятельный люди варятъ пиво на чанѣ, менѣе состоятельные варятъ его въ корчагахъ. Варенье пива на чанѣ, по огромности обстановки и количеству пива, производится въ открытомъ полѣ, на берегу рѣчки или у какого ни-

будь полеваго колодца по той причинѣ, что въ избѣ невозможно помѣститься съ огромными снарядами и — чтобы избѣжать довольно утомительной возки и поиски воды: деревни строятся на возвышенностиахъ, почему въ глубочайшихъ колодцахъ воды не всегда бываетъ достаточное количество, такъ что дѣйствительно случается, что передъ праздникомъ на пиво и на обыкновенное употребленіе изъ колодцевъ вычерпывается вся вода и нужно бываетъѣздить за нею далеко. На берегу избранной рѣчки или полеваго колодца па подмосткахъ въ полѣаршина вышиною ставится огромный чанъ, вмѣщающій въ себя отъ сорока до шестидесяти и болѣе ведеръ; насыпается въ него опредѣленное количество солоду и вливается вода. По близости разводится костеръ, гдѣ пакаливаются камни, которые спускаются въ чанъ до тѣхъ порь, пока солодъ не сварится совершенно. Спустивши сусло въ корыто, разумѣется, не въ одинъ разъ, вливаютъ его въ котель, прибавляють въ него большую дозу хмѣлю и снова варятъ въ котлѣ, послѣ чего сусло съ хмѣлемъ, будущее пиво,увозится домой, гдѣ начинается броженіе. Въ то время, когда заваривается сусло, необходимо, чтобы не было тутъ никого изъ постороннихъ; потому что посторонніе могутъ сглазить и сусло не потечетъ, а вѣдѣствіе этого невозможно будетъ сварить и пива. За то, когда сусло сварится и потечетъ, тогда подчуютъ имъ всякаго, чтобы ни проходилъ мимо, будь онъ знакомый, незнакомый, прохожій или проѣзжій. Сусло не все употребляется на пиво; часть его оставляется для употребленія съ овсянымъ киселемъ въ постыдные дни, съ толокномъ, для ребятишекъ и для кануновъ, о которыхъ скажемъ ниже. Спустивши сусло разъ, на солодъ снова наливаютъ воды, снова варятъ и снова приготовляютъ сусло, которое выходитъ уже не такъ густо и сладко, какъ первое. Изъ этого втораго сусла приготавливается второй сортъ пива, называемаго друганомъ, брюходуемъ и полосканцемъ. Друганъ употребляется на пойло самыемъ непочтенымъ посѣтителямъ и, если останется невыпитымъ людьми, — выпаиваетъ скоту, особенно если немножко закиснетъ. Варенье пива въ корчагахъ (большихъ горшкахъ), по меньшему объему снарядовъ и количества пива, производится въ избахъ, въ обыкновенныхъ печахъ.

Наваренное пиво, даже при довольно широкомъ деревенскомъ хозяйствѣ, невозможно помѣстить въ собственныхъ боченкахъ, потому что ихъ требуется слишкомъ много. Нужно бываетъ обращаться за боченками въ другія деревни. Пиво начинаетъ совсѣмъ дѣлаться пивомъ, броженіе кончается. Мужикъ запрягаетъ лошадь въ одноколку, садится на лошадь верхомъ, на одну сторону, какъ амазонка, ставить ноги на оглоблю и медленнымъ шагомъ отправляется въ сосѣднюю деревню, напѣвая пѣсенку и съ наслажденіемъ покуривая макорку.

Подъѣхавши къ первому дому, амазонка съ вскоченной бородой, не слѣзая съ лошади, останавливается у окна и во всю глотку ореть:

- Домна, дай, голубушка, пивнаго боченка.
- Только что, родимый, Оська увезъ,—кричитъ изъ избы баба.
- Къ пиву, Домна, приходи же, мотри... ну, чортова кукла, ну, кормилица, закатывай...

Послѣднее воззваніе мужикъ относитъ къ своей кобыль, па которой сидитъ. Онъ ѿдетъ къ другому дому. Каждый хозяинъ, обладающій сосудами подобнаго рода, непремѣнно даетъ ихъ просителю, если они не отданы кому нибудь прежде. Мужикъ въ это время приглашаетъ «къ пиву» всякаго встрѣчающагося.

Раздобывшись бочевками, сливаютъ въ нихъ пиво, при чемъ его достаточно пробуютъ и поютъ пѣсни, чтобы напившися пива были веселы; ребятишки вокругъ боченковъ затѣваютъ даже мялку, чтобы праздничные гости были еще веселѣ.

Вторую, пе менѣе видную статью приготовленій составляютъ похолы за рыбой. Жигели села Никольскаго имѣютъ возможность употреблять свѣжую рыбу только весною, когда растасть снѣгъ и вода выступить изъ береговъ. Рѣки порядочной, гдѣ бы былъ уловъ рыбы, вблизи нѣтъ. Верстъ за двѣнадцать есть озеро, чрезвычайно обильное рыбью; но ловить ее лѣтомъ вѣтъ никакой возможности: озеро, находящееся среди топкаго, трясучаго болота, неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ естественныхъ причинъ, все завалено разнаго рода хрящемъ;—на плискомъ даѣ его находится цѣлья большія деревья съ сучьями, обломки деревьевъ и разная дрянь. Эта-то дрянь, зацѣпляя невода, рветъ пижъ такъ, что отъ невода приходится вытаскивать изъ озера одни только обворванныя, безобразныя лохмотья. Стало быть, необходимо было совершенно отложить всякое попеченіе пользоваться лѣтомъ сокровищами озера. За то весной, когда вода выступить изъ озера и зарьетъ пизкіе, зыбкіе, безлѣсные берега свои, — рыбу ловятъ на берегахъ. Почти все озеро огораживается особенного рода плетнемъ, называемаго залькою. Въ этомъ плетнѣ, на нѣкоторыхъ разстояніяхъ оливъ отъ другаго, лѣлаются проходы. Въ одни изъ нихъ ставятся верши, другие, болѣе широкіе, остаются свободными. Въ свободные проходы рыба идетъ изъ озера къ берегамъ и, возвращаясь назадъ, въ озеро, часть ся идетъ въ проходы съ вершами и попадаетъ въ нихъ. Рыбы, и при такой методѣ ловли, крестьянѣ достаютъ очень много. Зимою исключительно употребляется соленая треска и замороженная сельди, огромные транспорты которыхъ приходятъ изъ Архангельска, гдѣ рыба вымѣнивается на ленъ и хлѣбъ и, даже по привозѣ на мѣсто, продается по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, доступнымъ каждому. Лѣтомъ же не рыба, а мелкая, тощая рыбенка

составляетъ большую рѣдкость, чрезвычайно уважается и потому придаетъ много чести тому хозяину, который въ праздникъ, на парадный столъ, подаетъ большой рыбникъ, пирогъ изъ пшеничнаго тѣста съ гомеопатической дозой пичтожной рыбенки: пирогъ этотъ дѣлается такъ, чтобы только слава была, что рыбникъ, т. е. рыбы кладется только въ самую средину пирога, величию съ добраго теленка, не болѣе полуфунта. Дорожа такимъ образомъ рыбой, крестьяне уже не дорожать трудомъ, чтобы достать ее. Собравшись человѣкъ пять-шесть, крестьяне ходятъ верстъ за десять на небольшую, малорыбную рѣку ловить рыбу *куринами*, чѣмъ-то въ родѣ бредня, на большихъ деревянныхъ крюкахъ. Имъ въ продолженіи двухъ сутокъ едва удается поймать по пяти-шести рыбокъ на человѣка, изъ которыхъ рѣдкая вѣситъ больше фунта...

III.

Наконецъ не менѣе важнымъ и виднымъ приготовленіемъ къ празднику, чѣмъ ловля рыбы, служать походы за малиной. О нихъ я сообщу болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ они составляютъ не послѣднюю подробность въ здѣшнемъ деревенскомъ быту.

Малинникъ... Это слово выражаетъ много самаго смачнаго въ нашемъ никольскомъ лексиконѣ: заберется ли кто въ куть, привилегированное насиженное мѣсто молодыхъ бабенокъ и девушки, значитъ, попалъ въ теплое мѣсто, въ самый малинникъ; забеться ли кто въ кабакъ, кутигъ тамъ на всю ивановскую и спить подъ бочки,— звачить, сидить въ малинникѣ; погосгить ли кто самымъ лучшимъ образомъ, гдѣ виномъ хоть пару поддавай, пивомъ окачивайся, а пшеничными пирогами запруду пруди, — испрѣйно твердятъ недѣли три, что ему у Таракана была не гостьба, а какъ есть малинникъ...

Не знаю, откуда, отъ какого малинника попало это образное выраженіе смачнаго въ никольскій лексиконъ. По крайней мѣрѣ, наши никольские малинники, страшныя, докія, лѣсныя трущобы, никакъ не могутъ служить образомъ блаженства...

Почти во всей кадниковской странѣ рѣшительно вѣтъ никакихъ фруктовыхъ садовъ; тамъ не растетъ ни яблоня, ни вишня, ни груша, ни какое либо другое благородное фруктовое дерево; всѣ эти лакомства замѣняются клюковой, рябиной, брусникой и, въ особенности лѣсной, самородной малиной и смородиной; тамъ не только всѣ крестьяне, но даже бывалые изъ нихъ, никогда не видали и не имѣютъ понятія, напр., о грушѣ или вишнѣ, не знаютъ и не чувствуютъ въ нихъ никакой потребности. Единственный плодъ, который известенъ тамъ

иѣкоторымъ по вкусу, другимъ только по виду и даже слуху, — это сладкія яблоки, по человѣчески, просто яблоки, называемые тамъ сладкими въ отличіе отъ земляныхъ яблоковъ, т. е. отъ картофеля. Этими яблоками изобилуютъ берега кубенскаго озера, окруженные красивыми яблонными садами, гдѣ по выражению изумленныхъ очевидцевъ такое изобилие этихъ плодовъ земныхъ, что «ребятишки таскаютъ ихъ, какъ рѣшу, безъ всякой бережки и бросаютъ ими другъ въ друга». Но что это за яблоки? величиною съ небольшую луковицу, въ неизобразимой степени горьки, кислы, тверды эти дары нашей суровой природы, дары, которыя, при всѣхъ вышеприведенныхъ достоинствахъ, не дешево достаются крестьянину, желающему полакомиться.

При такой скучности природы, очевидно, невозможно разведеніе фруктовыхъ садовъ, возможно только развѣстъ въ огородѣ нѣсколько кустовъ малины и смородины. Но кадниковскій крестьянинъ, труды котораго поглощены работами надъ воздѣлываньемъ хлѣба, льна и другими тяжелыми заработками, привыкъ считать это одной пріятностью и потому не заботится и не имѣетъ времени заботиться о такихъ пустякахъ, какъ ягоды. По его философіи, если Богъ народить ягодъ, то бабы въ воскресенье или въ дождливые дни, когда нельзя работать, сходять въ лѣсъ, наберутъ ихъ и всѣ могутъ полакомиться, а нѣтъ, такъ и нѣтъ,—быть бы хлѣбъ, да ленъ, да больше рыбаковъ.

Не разводя и не имѣя возможности разводить около селеній фруктовыхъ садовъ, нашъ крестьянинъ и вообще не любитъ, чтобы около домовъ были какія бы то ни было деревья. Онъ и дома строитъ, расчитывая не на удобство, а на видъ. На высокихъ холмахъ, среди головыхъ широкихъ полей, открытые всѣмъ возможнымъ вѣтрамъ, вынуждены и непогодамъ, небеснымъ громамъ и молніямъ, стоять высокіе, большиe, неуклюжіе, сѣрые дома, покрытые толстыми жолобами, съ причудливыми украшеніями, плодами фантазіи доморощеныхъ мастеровъ, съ разными крыльцами, рундуками и вѣтъздами. Объ этихъ домахъ не имѣютъ попяты въ средней и южной Руси, потому что домъ сѣверного крестьянина заключаетъ въ себѣ все, что нужно въ хозяйствѣ для людей и скота; обыкновенно дома строятся въ три этажа. Весь нижний этажъ занимаетъ дворъ для лошадей и хлѣвы для прочаго скота, исключая мѣста подъ избой, подполья, гдѣ иногда помѣщается рѣща, картофель и пр., а иногда и тамъ стоять овцы. Во второмъ этажѣ одна или двѣ избы рядомъ, сѣни и сарай, гдѣ хранится корыль для скота—сено и солома. На сараѣ же строится клѣть, комната, гдѣ хранится мука, соль, мясо и вообще все, что нужно для хозяйства продовольствія семейства, исключая зерноваго хлѣба, который хра-

нится въ амбарахъ, вдали отъ домовъ... Въ третьемъ этажѣ помѣщается одна горешка. Можно судить, какимъ всесокрушающимъ, неугасимымъ бываетъ здѣсь пожаръ, какъ онъ лишаетъ крестьянина вдругъ всего... Сѣрый цвѣтъ царитъ въ деревняхъ. Кой-гдѣ только блеститъ на солнцѣ новая тесовая крыша, торчитъ вѣтряная мельница, распахнувшія крылья... Если пойдетъ тамъ лѣсъ, то и пдеть онъ на необъятныя пространства; а поле потягнется голое, скучное, однообразное, рѣдко-рѣдко листящее глазу мелкими группами тощей ольхи; да еще кой-гдѣ, на холмѣ, одиноко, забытой сиротой, стоитъ стоянная угрюмая рябина, размахисто раскинувшись по воздуху вѣтви съ крупными кистями красной рябины—kadниковскаго винограда. Любить kadниковскій, особенно никольскій крестьянинъ, которому въ этомъ отношеніи помогаетъ мѣстность, чтобы кругомъ него была свобода, ширь, просторъ; онъ строится такъ, чтобы изъ окна можно было окинуть взоромъ такое пространство, какое можетъ обхватить глазъ... И дѣйствительно, стоитъ только напр. въ селѣ Никольскомъ полойти къ окну и предъ вами раскинется размахистая, своеобразная, сѣверная картина: среди голыхъ полей сѣрѣютъ десятки деревень, бѣлѣютъ стѣны, зеленѣютъ куполы, блестятъ кресты болѣе близкихъ церквей, красы и гордости здѣшнихъ жителей; далѣе, въ углубленіи синѣетъ лѣсъ, блестящею, серебряною лентою сверкаетъ озеро, тамъ еще далѣе подъ горизонтомъ раскинулись какія-то желтые полосы съ сѣрыми пятнами,—это золя съ деревнями;—вознеслись блестящія бѣлизною какія-то двѣ небольшія колонны,—это двѣ церкви, господствующія надъ мѣстностью; а тамъ еще дальше синее небо слилось съ сѣрой землей...

Если мы сказали о фруктахъ и ягодахъ, то сдѣлаемъ мебольшія замѣтки и объ огородныхъ овощахъ. Сѣверные kadниковскіе огороды также не отличаются разнообразіемъ и обилиемъ овощей; тамъ видны только лукъ, рѣдька, немногого картофеля, да много темнозеленої конопли, распространяющей свой удушливый запахъ. Все это сбѣется и садится не какъ насущная потребность, а больше для роскоши, исключая конопли, изъ волокна которой дѣлаются веревки, а изъ сѣмянъ особаго рода кашицу; масло не приготавляется ни изъ конопляныхъ, ни изъ льняныхъ сѣмянъ: постное масло въ селѣ Никольскомъ и окрестностяхъ не употребляется въ пищу, единственная изъ каши (ужь кажется то ли не русское блюдо), ячная, варится только въ скромные дни; гречневой каши не їдятъ, пшеница бываетъ только на постоянныхъ дворахъ для обозниковъ... Чеснокъ, иногда и морковь и, очень рѣдко, огурцы привозятся изъ Вологды. Да свѣжаго огурца порядочный коренной мужикъ и їсть не станетъ: «потому огурецъ клономъ смердитъ»; его їдять люди нѣсколько бывалые,—люди ду-

ховые, становой съ писаремъ, смотритель почтовой станціи, голова, цаловальникъ, иѣкоторые изъ крестьянъ, занимающіеся торговлею— никольская аристокраія... Изъ каусты, которая иногда сажается, потому ли, что почва не удобна, или потому, что не знаютъ за ней ухода, выходитъ чортъ знаеть что такое, только никакъ не капустные кочни. По этому и классическіе щи не существуютъ; подъ именемъ щей слыветъ жидкай кашица изъ овсяной крупы... За то, взамѣнъ всѣхъ овощей, на поляхъ зеленѣетъ огромное количество рѣпы. Десятки возовъ привозятъ ее осенью. Изъ рѣпы дѣлается пареница; изъ сушеної пареницы похлебка въ родѣ компота, которую Ѹять цѣльные посты; жуютъ пареницу вмѣсто десерта. Рѣпу заготавливаютъ къ зимѣ въ простомъ видѣ и вообще пстребляютъ въ громадномъ количествѣ...

При такой скучности никольского стола малина, какъ лакомство, играетъ не маловажную роль, особенно въ праздничное время. Изъ неї прежде всего приготавливается «для бабы ботанецъ». Это ничто иное, какъ сивуха, настоящая малинова, поскольку не подслащенная, приготавливаемая исключительно для бабъ и называющаяся еще слабенькии, по благородному, дамскому. Изъ малины готовится сладкій пирогъ, малина подается въ мюокѣ, изъ малины дѣлается тапушка — малина въ водѣ съ прибавленіемъ толокна; но если тапушку вмѣсто воды сдѣлать на сусль, то, по отзыву всѣхъ никольскихъ бабъ, языкъ проглотишь: «такой распрескусный скусь».

IV.

Честь открытія малинника принадлежитъ лѣсникамъ, т. е. охотникамъ, которые бродятъ по лѣсамъ и знаютъ вдовь и поперегъ ихъ завѣтные тайники. На этотъ разъ лѣсникомъ Журавлемъ была открыта ломь, а въ ломи богатѣйший малинникъ, гдѣ-то въ пульченгскомъ бору, верстъ за двѣнадцать отъ послѣдняго человѣческаго жилья.

Эта ломь и ея малинникъ образовалась самимъ обыкновеннымъ образомъ.

Года за два до того времени, которое я описываю, кто-то около того мѣста, гдѣ былъ тогда малинникъ, почевалъ въ лѣсу и, по обыкновенію и необходимости, развелъ огонь. Поутру отправляясь домой, онъ забылъ или не позабылъ погасить огня. Огонь по мхамъ и сухимъ вѣтвямъ распространялся все дальше и дальше. Подуль вѣтеръ,—вспыхнуло пламя, по мшистымъ сламъ быстро взвилось къ верху, распространялось въ ширь и начался сильный лѣсной пожаръ.

Я издалека видѣлъ это необыкновенное въ тѣхъ мѣстахъ явленіе. Вдалѣ, въ темной глубинѣ дремучаго лѣса бѣловатыми клубьями валилъ густой, тяжелый дымъ. Дымъ рѣдѣлъ, изъ бѣловатаго становился синимъ; на мгновеніе взлетала къ верху куча краснаго пламени и потомъ, вдругъ быстро двинувшись впередъ, валили пыльные клубы густаго, пропоницаемаго, бѣлаго дыма. Десятки верстъ обхватилъ пожаръ, не стихая ни днемъ, ни ночью. Синеватый тощій дымъ и запахъ гарп распространялись на всю окрестность. Страшный лѣсной пожаръ въ тѣхъ мѣстахъ свирѣпствуетъ безпрепятственно, его никто не старается потушить, да и напрасна была бы попытка къ этому: никакая человѣческая сила не въ состояніи противостоять этой страшной разрушительной силѣ природы, питаемой, съ каждымъ шагомъ впередъ, все болѣе и болѣе. По счастью пожаръ былъ далеко отъ жилищъ и кромѣ того отдѣлялся отъ нихъ широкимъ болотомъ; следовательно деревни были въ безопасности.

Проливной дождь потушилъ пожаръ. Налетѣла буря, поломала обгорѣлые деревья и на этомъ пожарищѣ и ломи на слѣдующій годъ выросъ великолѣпнѣйший малинникъ.

О времени похода за малиной извѣщается вся окрестность. Журавль, по пріятельству, сообщилъ мнѣ, что въ слѣдующій день пойдутъ за малиной и что, если мнѣ угодно, приходиль бы завтра пораньше.

На другой день всталъ я около двухъ часовъ вечери. Такъ какъ за малиной невозможно идти въ какомъ бы то ни было сельскомъ или городскомъ костюмѣ, то прежде всего, вмѣсто обыкновеннаго бѣлья, я надѣлъ толстое, отрепное; навернуль на ноги толстые онучи, натянуль березовыя лапти и, какъ сандальи, привязалъ ихъ къ ногамъ веревками, накинулъ старое оборванное лохмотье, надвинулъ на уши такую же старую шляпу, повѣсиль на плечи пестерь; въ пестерь поставилъ буракъ, положилъ вѣсколько ломти хлѣба, завязалъ въ тряпку соли съ чеснокомъ и всунулъ въ карманъ. Приготовленія мои кончились.

Выбравшись на улицу, я направилъ свои стопы къ Журавлю. Въ воздухѣ становилось свѣжо. Я ускорилъ шагъ. На небѣ загоралась бѣловатая заря...

У Журавля было много народа, когда я пришелъ къ нему. Не медля ни минуты, мы отправились въ путь. Пройдя поля, мы спустились въ болото, давно знакомое моимъ ногамъ. Версты три брели мы этою топучею грязью, то увязая въ нее по самый поясъ, то карабкаясь на шаткія кочки и вытаскивая изъ грязи лапти съ своими ногами. Вотъ здѣсь-то почувствовалась вся благодѣтельная сила лаптей, овчье и прочаго лохмотья: сапоги въ этомъ болотѣ необходимо было бы остав-

вить, а если не вѣтъ, то непремѣнно зачерпнуть въ нихъ грязи. Лапти же потеряться не могли, потому что крѣпко были привязаны къ ногамъ, а вода и грязь, чрезвычайно непріятныя въ сапогахъ, изъ лаптей вытекаютъ очень скоро.

Выпачканные до невыразимой степени, мы кой-какъ выкарабкались на сухое мѣсто, холмистое, поросшее березами, осинами, ольхою и прерываемое небольшими лугами. Каждый прежде всего позаботился набрать себѣ рыжиковъ и грибовъ; потомъ развели костеръ, согрѣлись, обсушались; на горячихъ углахъ и золѣ напекли грибовъ и рыжиковъ и, развалившись и разсѣвшись на землѣ, позавтракали съ величайшимъ аппетитомъ.

Солнце взошло надъ лѣскомъ, позолотило зеленые верхушки шумящихъ сосенъ, шелестящихъ березъ и осинъ. Тихій вѣтерокъ постепенно усиливался и перешелъ въ настоящій вѣтеръ. Поднялся настоящій лѣсной шумъ, деревья раскачались, заскрипѣли деревья скрипучія.

По случаю скрипа этихъ деревьевъ Журавль рассказалъ, что если куда впбудь заберется воръ и обворуетъ, то изъ оставшихся въ дому вещей нужно отыскать ту, которую воръ держалъ въ рукахъ; эту вещь нужно положить подъ скрипучее дерево и вора «будеть ломкой ломать» въ то время, когда скрипить дерево, т. е. во время каждого вѣтра.

— Не дѣлаютъ этого потому, хоть воръ и плутъ, а все-таки христіанская душа, — кто же захочетъ брать па свою душу грѣхъ — губить душу христіанскую, прибавилъ Журавль.

Скрипучее дерево — не особенное какое нибудь дерево, а простая ель или береза, треснувшая по серединѣ, отчего она, при каждомъ дуновеніи вѣтра, пищитъ самымъ унылымъ, непріятнымъ звукомъ.

Мимо насъ тянулись большія и маленькия группы мужчинъ и женщинъ въ самыхъ разнородныхъ лохмотьяхъ, мужчины въ лаптяхъ и запунахъ съ исизмѣнными товарищемъ-топоромъ за поясомъ, женщины въ запачканныхъ шушпанахъ и мареникахъ, съ повязанными на головѣ крашенными лоскутьями, вмѣсто платковъ, съ высоко поднятыми грязными подолами. Лѣсь ожилъся самымъ необыкновеннымъ образомъ. Свѣтлое утро и гудящій вѣтеръ разносили множество звонкихъ здоровыхъ звуковъ, вылетающихъ изъ здоровыхъ грудей; слышались отрывочные слова мужиковъ, частое звенящее бабье лепетанье, слышалась пѣсня протяжная или быстрая, развеселая, которую отпиралъ весельчакъ парень и самъ же подплясывалъ такъ, что лохмотья тряслись, а пестерь прыгалъ на спинѣ.

Пошли дальше. Узенькая тропинка, переплетенная толстыми корешками деревьевъ, становилась все уже и уже. Лѣсь постепенно ста-

новился гуще, темнозеленая, обросшая съдимъ мохомъ, ели — крупные и мрачные. Рѣже стали встречаться лиственныя деревья. Мы вступали въ самый дѣственныи, въ самый вологодскій лѣсъ. Это не веселый лѣсъ, раскинутый по холмамъ и сухимъ борамъ, состоящий изъ различныхъ деревьевъ. Лѣсная прохлада, полумракъ и сырость господствуютъ въ этомъ многогрѣковомъ лѣсу... Никакой рѣзкій звукъ, никакой трескъ не поражаетъ слуха, лишь несетъ одинъ глухой, убаюкивающій гулъ дикаго, какъ будто сонпаго великаны, раскинувшись на цѣлыхъ сотни верстъ, почти не тронутаго человѣческою рукою, лишь изрѣдка въ этой глухи хлонетъ крыльями глухарь, прокричитъ черный воронъ, съ просонковъ глухо функнетъ филинъ, болѣзненно запищитъ заяцъ, попавшій въ петлю задними ногами и высоко вздернутый на воздухъ.

V.

Но это мрачное, глухое, повидимому мертвое чудовище не лишено оживленія. Тамъ множество дичи, множество разнаго рода пушныхъ звѣрей, медвѣдей и оленей. Все это могло бы составить большой капиталъ для здѣшняго люда. Но какъ-то очень лѣнно занимаются здѣсь этою, могущею быть не послѣднею, отраслью промышленности: на эти лѣса не больше двухъ-трехъ охотниковъ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что крестьяне почти совершенно не їѣдятъ дичи, не їѣдятъ даже курицъ, ужь развѣ она «больно устарѣеть», такъ отрубятъ ей голову и оправятъ во щи: потому что жаль бросать. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляется становой, но и тотъ, явившись на слѣдствіе, нападаетъ только на куръ и производитъ въ ихъ нація страшное опустошеніе, такъ что старухи, жалѣя своихъ бѣдныхъ лохлушки, попавшихъ на жаркое становому, только удивляются, «какъ это въ его поганое хайло можетъ вѣздѣть столько куръ — и какъ это онъ не лопнестъ, собачья душа». Разумѣется, старухи изъявляютъ свое удивленіе уже тогда, когда становой уѣдетъ. Крестьяне употребляютъ въ пищу изъ лѣсныхъ обитателей только зайца и оленя. Сбыть дичи довольно труденъ. Быть можетъ, отчасти эти-то обстоятельства и отбивають у крестьянъ охоту заниматься охотой.

Два, три лѣсника, т. е. охотника, стрѣляютъ дичь, долятъ за зайцемъ, бѣлкой, куницей, зимой — за лисицей и, при всякомъ удобномъ случаѣ, во всякое время года, за медвѣдемъ.

Такъ какъ мой проводникъ и товарищъ Журавль отличный охотникъ, пожалуй, ужь «сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину», и такъ

какъ я зналъ, что онъ въ этихъ мѣстахъ занимается охотой, то и пожелалъ узнать на мѣстѣ обѣ его охоты.

Журавль обѣщаля разсказать мнѣ кое-что. Пройдя немногого впередъ, мы сошли съ тропинки и лѣсомъ отправились въ сторону. За полверсты отъ тропинки была его западня для медвѣда.

Устройство ея очень просто и ловил медвѣда не представляетъ большихъ трудностей для охотника. Обыкновенно вырывается широкая, но мелкая яма. Въ ямѣ укрѣпляется устойчивый срубъ. Внутрь ставится ящикъ съ какой нибудь падалью, преимущественно съ телятиной, потому что люди телятины не ѣдятъ, а захворавшихъ телятъ «дорѣзываютъ», замораживаютъ со всѣмъ и со шкурой и потомъ продаютъ телятникамъ на клей. Ящикъ остается открытымъ; — сверху его ставится настороженная, большая, зубчатая, тяжолая, съ крѣпкими пружинами медвѣжья клепь, т. е. капканъ. Все это прикрывается сверху толстыми краjkами сосновыми или еловыми, крѣпко сплоченными между собою. Остается только одно небольшое круглое отверстіе на срединѣ падъ самою телятиной.

Устроивши такую вещь, охотникъ спокойно отправляется домой или приготовлять такія другія же западни.

Между тѣмъ, чѣмъ больше разлагается телятина, тѣмъ больше распространяется заманчивый для медвѣда ароматъ, тѣмъ обольстительнѣе становится приманка. Ковыляя кругомъ и чувствуя заманчивый запахъ, медвѣдь долго думаетъ, идетъ ли ему вкусить плода, или нѣтъ... паконецъ, неустоявъ противъ обольщенія, медвѣдь подходитъ,нюхаетъ рымомъ средину и окружность и, убѣдившись, что никого нѣтъ кругомъ, суетъ свою неуклюжую лапу въ отверстіе, съ жадностью схватывается телятину, но лишь только онъ погащаетъ лакомую добычу, брякнуть пружины, клепь стиснетъ лапу острыми зубьями, всѣстся въ мясо и кости ноги — и неосторожный миша долженъ ждать на мѣстѣ лакомства, пока его соблазнитель Журавль не придетъ и не положитъ пулей конца его многомятежныхъ дней.

По большей части медвѣдь, попавши въ западню, остается на мѣстѣ, потому что, при всѣхъ своихъ медвѣжихъ усилияхъ, не можетъ вытащить застрявшую въ клепи лапу. Но иногда онъ разламываетъ срубъ и уходитъ, но только уходить съ клепью, отѣпить и отгрысть которую онъ рѣшительно не можетъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда медвѣдь уйдетъ съ клепью, сискать его не трудно: съ трехпудовою тяжестью клепи, крѣпко и глубоко вѣшившейся въ лапу своими острыми зубьями, при чрезвычайной густотѣ лѣса, далеко уйти онъ рѣшительно не можетъ, потому что большая неуклюжая клепь то и дѣло задѣваетъ за деревья. Кроме того, въ подобныхъ случаяхъ, медвѣдь самъ открываетъ свои бивуаки: зацѣпившись клепью

съ прищемленпою ногою за ели и не зная, какъ отѣпиться, отъ боли и препятствія опъ страшно злится и реветь на весь лѣсъ.

Журавль тутъ же сообщилъ мнѣ, какъ однажды ушелъ у него медвѣдь и какъ онъ его сыскалъ и застрѣлилъ.

— Прихожу, говорить Журавль: — на мѣсто... глядь — все разломано: разсобачай сышъ ушелъ и съ клепью. Смотрю и вижу — взборо́зилъ всю землю; стало, доберусь. Послушалъ. Реветъ, этакъ, прімѣрно, въ верстѣ. Собаки такъ и бросились. Бѣгу. Собаки вокругъ него такъ и выются. А онъ, кобель этакой, такъ и ходить въ присядку, какъ Карпунька сельскій: онъ смерть боится собакъ, чтобы не схватили его за притчеватое мѣсто, и присаживается на землю. Подхожу это я къ нему и прицѣливаюсь. Какъ онъ увидѣлъ меня, — всталъ, значитъ, на заднія лапы, а переднюю поднялъ къ мордѣ, — всталъ да такъ и стоитъ съ клепью. У меня въ рукахъ была двустволка. Я бацъ! зашатался, заревѣлъ. Я еще бацъ! а онъ, мой голубчикъ сердечный, какъ стоялъ, такъ и повалился черезъ колоду, — ни вдохнулъ, ни рявкнулъ...

Случается иногда, что медвѣдь совсѣмъ уходитъ. Такъ однажды тотъ же Журавль поставилъ свою клепь въ муравейникъ, зная, что около этого мѣста есть медвѣдь и что онъ имѣетъ привычку рыться въ муравейникахъ. Дѣйствительно, медвѣдь попалъ въ журавлеву клепь. Но такъ какъ въ то время была пора рабочая, то Журавлю не удалось скоро освѣдомиться о желанномъ гостѣ. Медвѣдь, между тѣмъ, отошелъ версты двѣ, взборо́зивши за собою землю, застрялъ между деревьями; журавлевой клепи сломать не могъ, и — что же вы думаете? — отгрызъ себѣ ногу. Ногу эту нашли, принесли въ деревню и ребятишки долго таскали ее по улицѣ; на мою долю достался ножъ, по которому Журавль замѣчалъ, что «медвѣдь, шельмовство, былъ большущій, и шкура, тетка ся иеругана, преважпая». Однако же лѣсной инвалидъ на трехъ ногахъ укостылялся такъ далеко, что его и найти не могли. Журавль только видѣлъ въ лѣсу ямы, которыя, по его мнѣнію, вырыты лѣсной инвалидъ иставилъ въ нихъ оставшуюся у него во владѣніи половину ноги, чтобы въ прохладѣ она «не такъ выла».

Описанный нами способъ ловли медвѣдей самый употребительный, потому что онъ очень мало отнимаетъ времени.

Еще стрѣляютъ медвѣдей съ лабазъ, т. е. примостовъ, устроенныхъ деревьяхъ, гдѣ на почѣ садятся охотники и ждутъ, когда придетъ медвѣдь. Лабазы устроются надъ убитой медвѣдемъ коровой, надъ стервомъ, которое медвѣдь по почамъ приходитъ добывать. Но это отнимаетъ много времени, и медвѣдь, почуя опасность, очень

часто не является на мѣсто своего преступленія; слѣдовательно, приходится сидѣть на лабазахъ двѣ, три ночи совершенно напрасно.

Журавль пытался ввести еще новую методу ловли медвѣдей.

Медвѣди бываютъ, по сноимъ нравственнымъ качествамъ, двухъ родовъ — *травники* и *пакостники*. Первые отличаются мирными качествами медвѣжьей души, пытаются растительной пищей и не нападаютъ, безъ крайней необходимости, на скотъ. Но какъ скоро травникъ попробуетъ свѣжинки, онъ становится пакостникомъ, и тогда съ нимъ уже трудно бываетъ раздѣливаться: много подушить коровъ, еще болѣе поцарапать имъ морду, хребетъ и особенно то мѣсто, гдѣ утверждаются переднія ноги, потому что медвѣдь прежде всего одной передней лапой вѣпляется въ это мѣсто, другой береть за морду, а заднія лапы волочеть по землѣ, стараясь уцѣпиться за что нибудь крѣпкое — за пень, корень, колоду, дерево, и такимъ образомъ этаотъ мохнатый кавалеръ имеетъ корову до тѣхъ поръ, пока не сомнѣтъ ее совершенно. Въ это время корова реветь самымъ дикимъ образомъ, медвѣдь тоже не уступаетъ коровѣ ни въ старости, ни въ искусствѣ — и начинается славный лѣсной дуэтъ. На чистомъ, ровномъ мѣстѣ коровамъ часто удается ускользнуть изъ медвѣжьихъ лапъ, но въ лѣсу — никогда.

Не смотря на громадные дремучіе лѣса, не смотря на то, что коровы заходятъ чрезвычайно далеко въ эти трущобы, иочуютъ почти двѣ, три неизвѣстно гдѣ, и потому имѣютъ постоянную возможность столкнуться съ медвѣдемъ, народъ такъ безопаснъ, что оставляетъ свой скотъ въ продолженіе всего лѣта, безъ всяаго надзора, ходить, гдѣ ему вздумается; о пастухахъ не имѣютъ и понятія. Стадо каждого хозяина разбродится порознь и изъ дома каждого хозяина ежедневно отправляется за коровами кто нибудь чуть не съ полудня; но очень часто случается, что коровъ не находятъ, на другой день принимаютъ ся искать съ утра нерѣдко цѣлымъ семействомъ. Въ этомъ случаѣ не знаешь, чмому больше дивиться — благородству ли медвѣжьей націи, безопасности народа, или его положительной экономической безтактности: вѣдь никто не можетъ сообразить, что наемъ пастуха обошелся бы гораздо дешевле уже однимъ тѣмъ, что такая вещь, какъ исканіе коровъ, не отнимало бы рабочихъ рукъ и не губило времени, не говоря уже о томъ, что коровы были бы цѣлы и молоко не пропадало по два и по три дня сряду.

Однажды медвѣдь задушилъ въ лѣсу корову. Время было самое рабочее, и Журавлю рѣшительно невозможно было дѣлать лабазы и нѣсколько ночей сидѣть на нихъ, и ждать медвѣдя. А медвѣдя упустить не хотѣлось. Журавль выдумалъ *самострѣль*, т. е., кругомъ коровы положилъ нѣсколько заряженныхъ ружей съ изведенными

курками; къ куркамъ привязалъ нитки, концы которыхъ прикрепилъ къ коровѣ. Если бы пришелъ медведь и сталъ ёсть корову или какъ нибудь задѣлъ лапой за нитки, то были бы пронизаны перекрестными пулами. Разумѣется, когда было устроено снарядъ, было объявлено всѣмъ, чтобы никто самъ не подходилъ къ опасному снаряду и не пускалъ бы своего скота. Медведь же вѣсколько разъ подходилъ къ снаряду, но коровы не тронулись.

— Лисицу ловимъ мы зимой по глубокому снѣгу, рассказывалъ Журавль. — Хитрый звѣрь эта лисица, а ужь больно смѣшна: черезъ лыжону никогда не перейдетъ: насмерть боится. Вотъ, стало быть, какъ мы подмѣтимъ мѣстечко, гдѣ лиса-кума живруетъ, сейчасъ же съ Якуней на лыжи — и въ лѣсъ. Обойдемъ на лыжахъ большой кругъ: ужь лисица за лыжону не перейдетъ. А потомъ этотъ кругъ отъ и начнемъ крестить, и окружимъ ее, голубушку, мѣста, какъ примѣрно съ избу. Лиса и заберется: подъ выскирь (колоду) да и сидитъ тамъ; зваку: не подаетъ. Мой Лыско на этотъ счетъ — уѣзжная собака,—сейчасъ отыщетъ. Мы съ Якуней къ выскирю, да ее оттуда и тащимъ. Якуню однова лисица больно укусила. Какъ вытащимъ ее на свѣтъ-то Божій, — сейчасъ же на колоду, да колѣномъ и придавимъ сердце: сейчасъ сдохнетъ. А крысится, разсобака, больно крысится, какъ тащить-то станешь: вѣстимо, напугать норовить.

По дорогѣ Журавль рассказалъ еще, что онъ и волковъ стрѣляетъ, да рѣдко: потому, не стоитъ.

Дѣдъ Журавля ловилъ волковъ въ ямы. Для этого вырывается глубокая яма; въ срединѣ ставится столбъ, на вершинѣ котораго, вѣсколько выше уровня земли, дѣлается небольшая площадка, на которой привязывается собака или поросенокъ. Яма прикрывается тонкимъ слоемъ хвороста и слегка засыпается снѣгомъ. Собаки или поросенокъ поднимаютъ вой и визгъ на цѣлый лѣсъ. Волки на этотъ крикъ и собираются; но только что будуть подбѣгать къ добычѣ, проваливаются въ яму, гдѣ ихъ побиваются кольями. Иногда въ яму навалится волковъ семья; вой они поднимутъ страшный.

«Насторожилъ» разъ дѣдъ Журавля яму, привязалъ собаку и ушелъ. Случилось, что нелегкая занесла въ лѣсъ пономаря. Слышишь, собака воетъ. Подходитъ и видитъ, что собака привязана.

— Какой-то нехристъ, татаринъ ему пусть приснится, собаку привязалъ въ лѣсу. Бываются же на свѣтѣ дураки такіе, проворчалъ пономарь и пошелъ отвязывать собаку, только — крякъ! — пономарь очутился въ ямѣ вверхъ ногами.

На утро приходитъ къ ямѣ дѣдъ Журавля, — глядь внизъ: гамъ въ одномъ углу сидитъ пономарь въ другомъ волкъ, и смотрять другъ на друга. Дѣдъ поднялъ было уже коль, чтобы хватить хоро-

шенько пономаря (думалъ, что это нечистая сила, али оборотень) какъ пономарь закричалъ и началъ креститься. Дѣдъ увѣрился, что это былъ заправскій пономарь.

Дѣдъ вытащилъ сначала пономаря; потомъ они вмѣстѣ укокошили волка извалили его на дровни, сами сѣли сверху и поѣхали домой, сидя на волкѣ...

Мы дальше и дальше углублялись въ лѣсъ, разговаривая съ Журавлемъ о его промыслѣ. Лѣсъ становился все гуще, темнѣе и сырѣе...

VI.

А вотъ и малинникъ. Вдругъ обдало насъ свѣтомъ: мы какъ будто вдругъ вышли изъ темного погреба на свѣтлую улицу, — такое впечатлѣніе произвела быстро смынившаяся декорація. Передъ нами на огромномъ пространствѣ навалены были одна на другую въ самомъ идеальномъ безпорядкѣ обгорѣлые гиганты-сли; отъ толстыхъ стволовъ этихъ великановъ торчали черные, обгорѣлые, заострившіеся сучья; подъ ними земля поросла новыми побѣгами будущаго лѣса и несметнымъ множествомъ самороднаго малинника съ сочными ягодами; между густой растительностью тамъ и здѣсь сверкали небольшія лужи стоячей воды; вдали кругомъ черпѣлъ дремучій лѣсъ; а тутъ, въ самой серединѣ огромнаго пожарища, какими-то судьбами уцѣльѣлъ клочокъ не сгорѣвшаго и не сломаннаго бурею лѣса.

Малинникъ при нашемъ приходѣ былъ уже оживленъ: много народа собралось уже за малиной съ разныхъ сторонъ. Крикъ, шумъ наполняли все огромное пространство. Слышалось ауканье со всѣхъ сторонъ на всѣ голоса, отъ визгливаго дисканта до сипаваго баса, и на всѣ манеры. Одни аукали, боясь лицомъ къ лицу встрѣтиться съ медвѣдемъ, который чрезвычайно уважаетъ малину и съ которыемъ въ малинникѣ дѣйствительно очень легко встрѣтиться, только не въ то время, когда мы были тамъ; потому что, надобно полагать, всѣ медвѣди, отъ такого небывалаго гама, убрались за десять верстъ. Другіе кричали, чтобы не потерять своихъ товарищѣй. Дѣйствительно, потерять товарищѣй очень легко, а потерявши ихъ, чрезвычайно трудно одному отыскать дорогу домой: такъ закружишься въ этой трущобѣ, что рѣшительно не знаешь, откуда пришелъ и куда надобно идти. Въ подобныхъ случаяхъ надобно пепремѣнно пристать къ какой нибудь партїи, у которой есть *сожатый*; иначе придется почуять одному въ сосѣдствѣ съ медвѣдями и проблудить не одинъ день, хоть тутъ раскричись что есть духу: молчаливыя ели не отвѣтятъ на крикъ, не укажутъ дороги.

Самое собирание малины—вещь ужасная: то и дѣло нужно то взбираться по нагроможденнымъ обгорѣлымъ сучьямъ, то спускаться внизъ, чтобы пробирать въ этой трущобѣ. Пусть бы еще внизу было мѣсто ровное, а то рѣшительно нельзя сдѣлать ни одного шага, не рискуя нарушить благосостояніе собственного глаза, носа, руки, ноги и, при удобномъ случаѣ, живота: всюду храць и острый сучья.

Вотъ, напримѣръ, наберешь малины у одного куста и карабкаешься по обгорѣлымъ сучьямъ, чтобы на минуту взглянуть на свѣтъ Божій и слова спуститься внизъ, къ другому кусту. Взобрался на высоту и мѣтишь спуститься внизъ,—встаешь на сукъ,—сукъ не выдержалъ, обломился—и ты стремглавъ летишь въ какую нибудь лужу цѣпляясь на пути за разные колючки,—или попадешь бокомъ на тычину. А то вотъ опять залѣзешь на саженную высоту и лумаешь сойти внизъ, сдѣлалъ шагъ, лапоть зацепился за крѣпкій сукъ и ты висишь погани вверхъ, корзинка улетѣла внизъ, пестерь тянетъ туда же. Злясь па свою неосторожность, на боль, на сучокъ, на все окружающее, спѣшишь снова подняться на высоту и отцепить лапоть отъ сучка. О малинѣ ужь и говорить нечего: она лежитъ себѣ на зеленомъ моху и своимъ яркимъ цвѣтомъ только дразнитъ глазъ. Единственное средство сохранить малину заключается въ томъ, чтобы какъ можно чаще ссыпать ее въ буракъ, находящійся въ пестерѣ...

День прошелъ. Вечерѣло. Солнце сѣло за лѣсъ. Загорѣлась малиновая зара. Она постепенно блѣднѣла и наконецъ наступила полуопрѣзчная сѣверная ночь.

Ночлегомъ былъ избранъ оставшійся въ цѣлости лѣсокъ, находящійся на возвышеніи, недалеко отъ которого протекала небольшая рѣчка.

Измученный до невозможности, вѣсколько разъ потерпѣвшій крушеніе своей плоти и малины, два раза висѣвшій на сучкѣ, въ видѣ конченаго окорока въ колбасной, трижды попавшій въ воду вмѣстѣ съ пестеремъ, такъ что брызги летѣли во все стороны, вынокшій, какъ мышь, и разъ попавшій правымъ бокомъ на колоду, кой какъ добрался я до ночлега.

На мѣстѣ ночлега было уже человѣкъ сорокъ. Бабы и дѣвушки сидѣли на травѣ и раздѣвались. Въ ломи стучали десятки топоровъ. Тамъ мужики рубили дрова. Другіе таскали ихъ. Немедленно запылали два великолѣпные костра, окрасившіе мужиковъ, бабъ, дѣвушекъ, мрачныя ели, и яснѣѣ обрисовали полумракъ ночи, который отъ костровъ казался полнымъ мракомъ.

По примѣру моихъ спутниковъ и спутницъ я раздѣлся до рубашки, даже лапти скинуль съ усталыхъ ногъ: все было мокро. Подошелъ къ костру сушить рубашку на своемъ грѣшномъ тѣлѣ. Когда

рубашка высохла, я, возсѣдая на колодѣ, взялъ въ руки очи и принялъ ихъ жарить. Надѣвъ снова свои лапти, я обратился къ балахону. Съ балахономъ мнѣ пришлось возиться долго; потому что она свачала разопрѣль, какъ пареница, потомъ повалилъ отъ него пары, уже послѣ этого, онъ началъ просыхать.

Разумѣется всѣ, кто былъ тутъ—мужики, бабы и молодыя дѣвушки—дѣлали тоже самое, начиная съ того, что раздѣвались до рубашекъ, и кончая просушкой своихъ претищъ.

Обсохши, какъ слѣдуетъ, принялись за ужинъ. Вытащилъ я изъ своего пестеря два ломтя чорнаго, чорстваго хлѣба, вытащилъ изъ кармана перемокшую соль съ чеснокомъ, единственную приправу, и закусилъ, какъ нельзя лучше. Тоже дѣлали мои спутники.

Поужинавши такимъ идиллическимъ образомъ и запивши сухой хлѣбъ чистою водою, почерпнутою изъ свѣжаго зеркального потока, который протекалъ вблизи, т. е. по мнѣнию покойныхъ поэтовъ, дай Богъ имъ царство небесное, насладившись вполнѣ блаженныемъ днемъ, вечеромъ и ужиномъ на лонѣ природы, я присѣлъ на сломленную ель отдохнуть и засмотрѣлся на своихъ спутниковъ. Только одно общее было въ этой группѣ, раскинувшейся въ дремучемъ лѣсу, въ тишинѣ ночи, вокругъ пылающаго костра, шумящаго пламенемъ и освѣщающаго иеронимъ свѣтомъ окружность;—это общее было самое грубое, самое дырявое лохмотье, подобранное искусственно для настоящаго случая и покрывающее атлетическія формы мужиковъ и иѣжныя, еще неразвившіяся формы молоденькихъ дѣвушекъ. Все прочее было разнообразно; разнообразно выраженіе лицъ, разнообразны цѣли, съ которыми пришли сюда разныя лица. Недалеко отъ костра красовалась высокая, статная фигура Журавля, сидящаго на стволѣ пнѣ. Красное зарево костра играло на его лицѣ, окаймленномъ небольшими бакенбардами и бородою; онъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ подобнаго рода путешествіямъ, почти никакъ не утомился и сидѣлъ бодро, разсказывая какую-то пулю: Журавль обладасть краснорѣчіемъ и способностію рассказывать анекдоты, которыхъ знаетъ безчисленное множество. Жители села Никольскаго тоже не поникали головами; они пришли за малиной не по нуждѣ, которая имъ, въ большихъ размѣрахъ, не знакома, а для того, чтобы лучше приготовиться къ празднику. Молодыя женщины-матери съ особенномъ наслажденіемъ смотрѣть на малину, хоть не Ѣдятъ ее сами: они надѣются полакомить малиной своихъ малютокъ дѣтей — единственнымъ лакомствомъ, доступнымъ имъ. Молоденькия дѣвушки, пришедшия за малиной для своихъ семействъ, хоть очень утомились, но все у нихъ игралъ на щекахъ здоровыи густой румянецъ. Я самъ, пришедший болѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ по нуждѣ, тоже не по-

никъ головою, хоть проклиналъ всякую любовь къ искусству, пощупывая свой правый бокъ, которымъ попалъ на колоду... Каргина была бы хоть куда, если бы не было вдали унылой, забитой группы помѣщичьихъ крестьянъ и крестьянокъ...

Въ лѣсу зафукалъ проснувшійся филинъ. Мужики стали откликаться ему. Филинъ принялъ кричать чаще. Къ нему присоединился другой и третій. Раздалось глухое непріятное фуканье; лѣсное эхо вторило ему. Бабы перепугались и стали просить мужиковъ, чтобы они не дразнили филина; по ихъ убѣжденію, если филинъ разсердится,—то забросаетъ костеръ сырыми вѣтвями и погаситъ огонь, при чёмъ нелегко достанется и имъ,—бабамъ; а то еще, можетъ быть, это вовсе не филинъ, а нечистая сила во образѣ филина, «чего храни Пречистая»; —тогда еще хуже придется и бабамъ и мужикамъ. Вообще съ понятіемъ о филинѣ, однимъ своимъ голосомъ производящемъ самое непріятное впечатлѣніе, особенно въ лѣсу, во время тумной ночи, когда онъ просыпается и гудеть, соединено множество суевѣрій; о немъ разсказывается множество легендъ и сказокъ; появление филина въ деревнѣ или вблизи бываетъ не къ добру...

Говорѣ, шумъ, крикъ не дали спать почти никому; кроме того препятствовали спать холодъ и роса, а болѣе всѣхъ Марина, пожилая, но очень бойкая и очень веселая девчина, которая проскакала всю ночь и постоянно будила тѣхъ, кто спалъ, за что и получала благодарность въ формѣ самыхъ крѣпкихъ броненосныхъ выражений...

На утро, чѣмъ свѣтѣть, снова отправились па прежніе подвиги испытывать вчерашнія удовольствія. Къ вечеру, когда, послѣ всѣхъ удовольствій, я выкарабкался изъ болота и пришелъ домой,—посмотрѣть на свой буракъ, тамъ, вслѣдствіе разнаго рода толчковъ, малина такъ смялась, что изъ нея вышли не ягоды, а какой-то очень некрасивый кисель.

VII.

Близость праздника въ селѣ Никольскомъ показываетъ рѣзни барановъ въ каждомъ дому. Каждый хозяинъ, выбравши здороваго барана, связываетъ ему ножки, тащитъ въ избу, кладетъ на столъ и спокойно перерѣзываетъ ему горло: къ празднику непремѣнно нужны свѣжія щи и лопатка.

Канунъ праздника нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ рабочихъ дней. Правда, утромъ въ селѣ Никольскомъ также мало народу, какъ въ продолженіе всего лѣта, въ домахъ не остается ни одного полнаго человѣка, — одна дряхлость да малолѣтство ви-

таютъ тамъ; во многихъ домахъ нѣть ни одного живаго существа, кроме сверчка да таракановъ, которые, пользуясь свободой и лѣтней теплотой, ползутъ всюду. Въ этихъ домахъ, въ знакъ того, что нѣть никого дома, поткинута палка въ кольцо или скобу воротъ. Эта палка вмѣстѣ составляетъ и запоръ, замыкающій замокъ. Поэтому, если бы кто вздумалъ войти въ такой домъ, покушать тамъ и отдохнуть, а если есть охота, то и съ собой прихватить кое-что изъ хозяйстваго добра, то ему следовало бы только вынуть изъ кольца палку и отворить дверь; но посѣтителю подобнаго рода не бываетъ: воры не въ модѣ, честнымъ людямъ не до такихъ путешествий въ рабочее время. Въ другомъ дому лежитъ на печкѣ ветхая денъми, безпомощная старушонка и кашляетъ старческимъ, разбигымъ кашлемъ. На полу ползаетъ и копается въ грязи грязный ребенокъ въ толстой заскорузлой рубашенкѣ съ задомъ подола, заткнутымъ за поясъ во избѣженіе разныхъ непріятностей. Онъ привыкъ къ своему одиночеству, невнимательности къ себѣ; онъ чѣмъ-то занимается и не плачетъ. Въ рукахъ у него засусленный кусокъ яичнаго пирога. Половина лица около рта, носъ и обѣ щеки запачканы обыкновенными вещами, къ которымъ присохли крупныя крошки пирога. Остальная часть лица, руки, ноги и прочія части тѣла пллющованы толстымъ слоемъ грязи. На все это насыпи роп мухъ, исколько не уважая личности маленькаго царя природы. Маленький замарашка привыкъ и къ грязи, ни па что не обращаетъ вниманія и, для развлеченія, еще болѣе пачкается. Приходитъ въ избу большая собака, подходитъ къ ребенку и облизываетъ ему лицо. Ребенокъ только морщится, отворачивается и отбиває морду собаки, которая, не смотря на это, спокойно продолжаетъ лизать его. А то вдругъ размашисто войдетъ нахаль-пѣтухъ, осмотрѣгъ избу, клокнетъ раза два-три, мимоходомъ проглотитъ пять-шесть таракановъ, подступитъ къ ребенку, свысока глянетъ на него сперва одинъ глазомъ, потомъ, махнувъ краснымъ гребнемъ,—группимъ и хватитъ, носомъ ребенка въ носъ, въ губу, въ щеку, гдѣ замѣтить присохшую крошку. Ребенокъ загорланитъ во всю глотку.

— Кышь, косой песь! шамшишь съ печки старуха, услыша вой ребенка и разсмотрѣвъ пѣтуха.

Пѣтухъ, положивши крошку на полъ, подниметъ голову, прислушиваясь и какъ будто сказавши:

— Лежи, старбеть, коли Богъ убилъ. Туда же лѣзеть съ угро-замп,—примется скликать куръ, решительно не придавая значенія дряблому шамканью старой коркоты.

На улицѣ собрались ребяташки;—играютъ и дерутся.

Къ вечеру село становится оживленіе. Работы кончаются гораздо раньше обычнаго. Поднимается повсюдная бродня и суетлив.

На улицѣ старуха донѣтъ корову. Корову мухи ъдятъ. Она брыкается. Вотъ она задней ногой намѣтила прямо въ грудь старухѣ. Старуха опрокинулась назадъ. Подойникъ съ молокомъ полетѣлъ въ сторону. Старуха, поднявшись на ноги, принимается бить корову кулакомъ и крпчать:

— Эка тырлыга, прости меня, Господи,—возьму да и зашибу до смерти.

Старуха, въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, еще разъ ударяетъ корову дряблымъ кулакомъ своимъ.

Старуха и всякая женщина никогда не обругаетъ коровы печистымъ словомъ и не вымовитъ даже имени честнаго; потому что въ пародѣ существуетъ убѣжденіе, что только «въ сердцахъ» помяли имя честнаго надъ скотиной, онъ, какъ тутъ и есть, сейчасъ утащить корову и, кто его знаетъ, когда вздумастъ возвратить ее.

Точно также при всемъ изобилії словаря ругательствъ выраженія:—понеси та всѣ лѣши, чтобы тя лѣшій уволокъ,—родители боятся относить къ своимъ дѣтямъ, по той же самой причинѣ, по которой не относятъ ихъ къ скоту. Чоргъ въ этомъ случаѣ чаще всего уноситъ дѣтей, оставляя вмѣсто дитяти чурку, т. е. отрубокъ осиновый. Но онъ дѣтьми не ограничивается,—уноситъ иногда и взрослыхъ. Я зналъ одну дѣвушку, про которую все говорятъ, что ее носилъ лѣшій. Дѣйствительно, какими-то судьбами одиажды угораздило Дуню бѣсъ забрести далеко въ лѣсъ или кто ее знаетъ куда,—только что она провадала недѣли двѣ, разумѣется, въ лѣтнєе время. Когда же она явилась домой испуганная, растерянная и молчаливая, то всѣ окончательно рѣшили, что ее носилъ лѣшій, гѣмъ болѣе, что она рассказывала, какъ видѣла Кадниковъ, ученье ратниковъ (это было во время ополченія въ Крымскую кампанію) и пр., куда ее будто бы вознесь одинъ сѣйдой мужикъ изъ сосѣдней деревни, о которомъ все знали, что онъ во все это время не выѣзжалъ далѣе пяти верстъ отъ дома. Теперь эта дѣвица, кажется, уже бабитъ, т. е. замужемъ.

Шальныя овцы прибѣжали на улицу. Ихъ съ крикомъ загоняютъ въ хлѣвы. Мужики лошадей ведутъ во дворы. Наканунѣ праздника весь скотъ собираютъ домой для того, чтобы запереть его дома и заставить поститься до тѣхъ поръ, пока попъ не окропитъ его святой водой, а попъ приходитъ иногда, особенно въ дальція деревни, около вечера: въ это время назначается всеобщій постъ для людей и для скота.

Время становилось позднѣе. Въ этотъ вечеръ не слышно было обыденныхъ звуковъ—по стучалъ мопотопно молотокъ, ударялся о косу, не шутили и по кричали мужики, оглыхающіе на занавѣскѣ, и не влажжали, не ругались дѣвчата съ ребятами за ихъ шаловливый

затѣи, пе пѣли и пѣсепъ; потому что на праздникъ пѣть пѣсни очень грѣшно. Напротивъ, все суетится сосредоточено-серъезно: баба такъ серъезно несетъ яйца, какъ будто рѣшаешь вопросъ первой государственной важности, такъ же серъезно бѣжитъ она въ церковный амбаръ купить па пятакъ меду, поставить опару и пр. Не менѣе серъезно, любовно обхвативши стеклянную сулю или боченокъ въ четверть ведра, полведра и болѣе, мужики несутъ волку.

Наконецъ, подъ вечеръ ипогіе совершаютъ описанныя пами прежде омовенія.

Вообще въ этотъ вечеръ въ селѣ Никольскомъ суетилось все, отъ скота до человѣка, самымъ серьезнымъ образомъ. Одинъ Теренія невозмутимо сидѣлъ на ступеняхъ крыльца своей церковной сторожки, спокойно смотрѣлъ на муравейникъ и его суетлю, размѣренно пускалъ дымъ изъ своей трубки, вложивши короткій чубучокъ ея въ лѣвый край своего рта, и молодецки сплевывалъ сквозь губы изъ-подъ своихъ сѣрыхъ усовъ: инвалидъ чуялъ, что завтра ему будетъ хорошая пожива.

VIII.

Праздникъ. До солнышка затопились печки въ селѣ, до солнышка захлопотали стряпухи надъ разными вареньями и печенѣями. Понесся скромный запахъ.

Пробудился пономарь. Онъ посмотрѣлъ на солнышко и разсчелъ, что время вставать. Умылся, расчесалъ свою косу, растолкалъ пономаринцу и потребовалъ *воротушку* — рубашку съ огромнымъ коленкоровыимъ воротникомъ. Пономарь надѣлъ воротушку, подрясникъ, выпустилъ варужу громадные бѣлые воротнички своей воротушки, спускающіеся до самыхъ плечъ и употребляемые только въ торжественныхъ случаяхъ. Намазалъ свои косы коровыимъ масломъ, снова расчесалъ ихъ передъ крошечнымъ зеркальцемъ, вѣлашнымъ въ дно его берестовой табакерки, взялъ ключи отъ колокольни и пошелъ къ батюшкѣ просить благословенія благовѣстить къ заутренѣ.

Солнышко для него много значитъ въ лѣтнее время. Во всемъ селѣ Никольскомъ вѣтъ ни одинъ часовъ, даже иѣтъ ихъ въ церкви. По этой причинѣ заутреню и обѣдню начинаютъ лѣтомъ по солнышку, зимой — по пѣнью пѣтуховъ. Теренія въ этомъ случаѣ, относительно обыкновеннаго боя часовъ, поступаетъ еще своеобразїе и свобододѣліе. Когда ночью устанутъ лежать на полатяхъ его старыя kostи, онъ поднимается, садится на полатяхъ и, свѣсивши ноги, чешетъ спину, потомъ возьметъ въ зубы трубку, вырубитъ огня къ

труту, закуритъ махорку и ворча съѣзжаетъ на полъ. Здѣсь прежде всего онъ опушаастъ на лавкѣ сѣрый балахонъ, накинетъ его на плечи и идетъ въ уголъ, гдѣ у него всегда стоитъ рогатина. Взявши рогатину на перевѣсъ и ворча, онъ отправляется къ церкви, обходя ее кругомъ. Послѣ этого, т. е. вполнѣ обозрѣвши, что кругомъ церкви все обстоитъ благополучно, воровъ и разбойниковъ пѣтъ, Терепя берется за веревку отъ колокола и бѣгъ въ колоколъ столько разъ, сколько ему заблагоразумится; затѣмъ, быстро дернувъ послѣдніе три раза, онъ лѣниво отправляется домой, ставитъ въ уголъ рогатину и снова залѣзаетъ на полати, гдѣ лежитъ до тѣхъ поръ, пока снова не устанутъ лежать его старыя кости.

Удалилъ къ заутренѣ. Двинулся въ церковь нарядный народъ. Это былъ уже совсѣмъ не такой народъ, который ходилъ за малюшкой въ лаптяхъ и лохмотьяхъ, который разѣзжалъ, въ видѣ амазонки, за бочечками, это былъ народъ чистый, одѣтый очень прилично въ спинія суконныя сибирки, въ красныя рубашки, плосовые штаны, или въ бѣлыя рубашки, ситцевые и штофные сарафаны и проч. и проч. Все дышало праздникомъ отъ подковки сапога до щегольского картуза, отъ розового бантика на дѣвичьемъ босовикѣ до штага сборника (кокошника) на головахъ молодыхъ бабъ. Самъ Терепя пріодѣлся, пригладилъ свой сѣрый вихоръ, подфабриль сѣрые усы и навѣсили на свою старую грудь кресты и медали.

Къ заутренѣ, по обыкновенію, пароду пришло немнogo.

Послѣ заутрени часть народа отправляется въ «келью», часть по домамъ ждать обѣдни. Обѣдня начинается не рано, чтобы успѣли собраться люди изъ дальнихъ деревень.

«Келья», она же и церковная сторожка, гдѣ живетъ Терепя, есть одно изъ общественныхъ благотворительныхъ заведений Ипокольского прихода. Это небольшой домикъ, построенный жителями прихода въ церковной оградѣ, гдѣ на иждивеніи доброхотныхъ дателей содержится нѣсколько беспомощныхъ и безродныхъ старухъ. Все содержаніе поставляется имъ натураю. Обыкновенно въ каждое воскресеніе и праздникъ въ церкви бываетъ много панихидъ. Каждый крестьянинъ, отправляясь помянуть своихъ родителей, береть съ собой два пестеря хлѣба и проговоръ. Коврига хлѣба и нѣсколько проговоръ отдается старухамъ. Кромѣ того имъ приносятъ прогода овсяную крупу, муку да гроши на кутью. Употребленіе остальныхъ, такъ называемыхъ поминальныхъ пироговъ мы увидимъ дальше.

Въ эту-то келью, послѣ заутрени, набралось не мало мужиковъ и бабъ. Всѣ мѣста—полати, лавки, печка, полъ были заняты народомъ. Пономарь зашелъ вздрогнуть, помощникъ пономаря, любитель пономарской должности изъ мужиковъ, раздувалъ у печки уголья въ ка-

дилъ. На первомъ планѣ безсмѣшно спитъ Иванъ Залужный, славный писака, большой ораторъ, постоянно поющій басомъ на лѣвомъ клиросѣ и вообще весьма уважаемый человѣкъ, и повѣствуетъ о Питерѣ и питерскихъ диковинкахъ. Разумѣется всѣ его слушаютъ да ахаютъ отъ удивленія. Тутъ же говорится о посѣвахъ, сѣнокосахъ, цѣнахъ на разные предметы, перѣдко тутъ заключаются между крестьянами разные условія, слѣдки, покупка и продажа. Сюда сносятся вѣсти изъ окружныхъ мѣстъ, изъ города; каждый изъ посѣтителей приноситъ чио нибудь новое, что вѣдѣть или слышать. Чорохъ забредаетъ туда семинаристъ, разскажетъ про свое житѣе-бытие семинарское, а то прихватить чего нибудь поучительнаго. Съ большимъ вспоминаніемъ и вѣдимымъ удовольствіемъ слушаютъ любознательные посѣтители кельи рѣчи юнаго орагора и, по уходѣ его, долго гуторятъ:

— Эхма... не даромъ же достается поповство... А парень-то тово, и малъ, да удалъ... Ишь какъ говорятъ...

Въ келью собирается старый, пожилой и молодой народъ солиднаго качества, народъ — «не баламыга». «Лоботрясы» размѣщаются по избамъ, гдѣ, на свободѣ, несутъ разную околесную и «отливаютъ пушки». Тамъ перѣдко бываетъ свалка и такъ какъ въ дому по большей части бываетъ одна изба, исправляющая должность всѣхъ компашъ, вачшая отъ кухни и копчая кабинетомъ и гостиной,—то лоботрясы-посѣтители очень часто стѣсняютъ своими шалостями стряпуху-хозяйку. Въ подобныхъ обстоятельствахъ хозяйка, выведенная изъ терпѣнья, вооружается ухватомъ и бѣстъ безъ милосердія лоботрясовъ, которые обращаются въ бѣгство и обзываютъ ее всѣми возможными исласкателльными именами.

Въ этой же избѣ одѣваются лѣвшушки, бѣлять свои щеки свинцо-выми бѣлизнами, красятъ ихъ сандаломъ, расчесываютъ свои русыя косы, надѣваютъ сарафаны яркіе, платки французскіе, разноцвѣтные; — одѣтъ только рубашки-подольницы надѣваются въ подпольѣ или въ сѣнахъ, гдѣ ребята стараются подсмотрѣть дѣвокъ и облить холодной водой...

Между тѣмъ коровы, лошади, телята, бараны и свини пачинаютъ дикий концертъ; потому что рѣшительно не могутъ взять въ тоикъ, за что и для чего терпять они сегодня такое долговременное заключеніе въ своихъ хлевахъ; — и пусть бы еще дали съ утра закусить чего нибудь. Извѣстно, — скотское разсужденіе...

IX.

Зазвонилъ къ обѣднѣ. Весь народъ повалилъ въ церковь. Въ церкви читались часы. Народъ обыкновенно становится — мужчины на правую, женщины на лѣвую сторону.

Но вотъ среди чтенія часовъ, тихо шевелясь, лѣзетъ мужикъ, съ нестеремъ на плечахъ; на лѣвой рукѣ у него большая ноша пироговъ ячныхъ и пшеничныхъ. — Мужикъ останавливается передъ царскими дверьми, набожно крестится свободной правой рукой, подходитъ къ правому клиросу, даетъ по пирогу дѣячкамъ, которые тотчасъ же и кладутъ пироги на окно или въ шкафъ, гдѣ хранятся книги; затѣмъ идетъ къ лѣвому клиросу и тоже даетъ по пирогу икономарамъ. При подачѣ своихъ пироговъ мужикъ говоритъ: — помяни рабу Божію Федору или раба Божія Сидора. Остальные пироги, числомъ четыре, по большей части пшеничные, онъ уноситъ въ паперть, гдѣ кладеть ихъ на деревянное блюдо или тарелку, прикрывастъ сверху необыкновенно большимъ и необыкновенно тонкимъ овсянымъ или ячнымъ блиномъ. Къ краю блюда или тарелки поминающій своихъ родителей прильпаетъ восковую свѣчку. Все это ставится на столъ передъ Кузьмой-Демьяномъ (передъ образомъ Космы и Даміана). Это такъ называемые поминальные пироги. Они составляють единственную плату духовенству за служеніе панихидъ. Надъ четырьмя пирогами, прикрытыми блиномъ и поставленными передъ Кузьмой-Демьяномъ, послѣ обѣдни, служится панихида, перечитываются сотни именъ «и всѣхъ сродниковъ преставившихся». Поминающіе родителей молятся съ пестерями на плечахъ.

Народъ чрезвычайно чтитъ память отцовъ; поэтому почти въ каждый праздникъ и воскресенье являются десятки пирогопосцевъ и стоять десятки блюдъ съ четырьмя пирогами передъ Кузьмой-Демьяномъ...

Наблюдается еще иной обычай.

Передъ большимъ образомъ Успенія въ посеребренной ризѣ, воздвигнутой усердіемъ жителей села Никольскаго, ставится до шести-десати разнохарактерныхъ сосудовъ довольно почтенаго объема — мѣдныхъ ендовъ, чашъ деревянныхъ, чашъ глиняныхъ бѣлыхъ, зеленыхъ, разноцвѣтныхъ, горшковъ «полужоновыхъ», берестовыхъ бураковъ бѣлыхъ и раскрашенныхъ, рученокъ и проч. Каждый изъ этихъ сосудовъ наполненъ сусломъ; къ каждому изъ нихъ прильпена восковая горящая свѣчка. Это, — такъ называемые, кануны. Каждый хозяинъ приносить свой канунъ и ставить передъ Успе-

піемъ. Надъ этими *канунами* читается молитва. Послѣ обѣдни кануны распиваются. Каждый хозяинъ прежде всего подносить свой буракъ или ендову священнику, и священникъ, волей-неволей, долженъ попробовать сусла каждого хозяина, чтобы не оскорбить его,—и придется такимъ образомъ бѣдному священнику тотчасъ послѣ обѣдни, на тощакъ, пробовать до шестидесяти родовъ разнаго сусла, сваренного хорошо и сваренаго дурно, очень сладкаго и начинаящаго уже прокисать. Послѣ него, перекрестясь, пробуетъ сусло самъ хозяинъ и наконецъ подчуаетъ всякаго православнаго, подвернувшагося подъ руку. Это подчиванье продолжается до тѣхъ поръ, пока въ буракѣ или ендовѣ сусла останется немного. Остатокъ уносится домой и допивается членами семейства тоже на тощакъ.

Послѣ обѣдни же, въ такъ называемой трапезѣ, большинство бывшихъ у обѣдни закусываетъ. Тутъ церковники закусываютъ свои поминальные пироги, особенно если имъ пѣть времени послѣ обѣдни зайти домой закусить, а нужно немедленно отправляться по дѣламъ своей службы. Многіе изъ прихожанъ цѣлыми семействами разсаживаются по лавкамъ, устроеннымъ въ трапезѣ или садятся кружками на полу, закусываютъ сами и подчуютъ постороннихъ. Почему это такъ дѣлается—отъ недостатка ли помѣщенія въ домахъ или это послѣдняя тѣнь первобытныхъ христіанскихъ вечеръ любви, — не знаю, но этотъ обычай мнѣ всегда казался отголоскомъ жизни христіанъ первыхъ вѣковъ...

Послѣ разныхъ панихиidъ, молебновъ и пр., когда церковники со всѣмъ управляются въ церкви, крестьяне берутъ икону праздника, Пречистой, множество крестовъ и хоругвей, чтобы церемонія выходила торжественнѣе, и въ сопровожденіи священника и причта съ пѣнiemъ отправляются въ деревню, гдѣ назначено празднованіе. Если деревня близко, то идутъ съ пѣнiemъ до самой деревни, если же далеко, то мужики иконы, кресты и хоругви прикрѣпляютъ къ плечамъ полотенцами и уносятъ ихъ безъ пѣнія.

Въ это время вокругъ церкви, на кладбищѣ, открывается своего рода картина и концертъ. На многихъ могилахъ пестрѣютъ и краснѣютъ большія группы бабъ и дѣвушекъ. Изъ среды пестрѣющихъ бабыихъ группъ пѣ-подъ надгробныхъ крестовъ поднимается такая вопль, визгъ, завыванья и причитыванія, что выразить невозможно: нужно самому слышать этотъ вопль, чтобы составить о немъ понятіе.

Обычай требуетъ, чтобы по вновь умершемъ непремѣнно цѣлый годъ ревѣли на могилѣ по всѣмъ праздникамъ и воскресеньямъ бабы и дѣвки изъ семейства покойнаго. Онѣ причитаютъ при народѣ и валаются на могилѣ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь не уведетъ ихъ съ

могилы, непремѣнно до тѣхъ поръ. Кругомъ причитающихъ всегда собирается толпа бабъ, желающихъ посмотреть, какъ такая-то «убивается по отцѣ, братѣ или мужѣ», и послушать, хорошо ли она «вы-принчыпывается». Вычитываются иногда не только дѣйствительныя, но и воображаемыя доблести умершаго; бываютъ причеты и въ родѣ слѣдующаго, записанного мною отъ слова до слова:—шальной батька, зачѣмъ умеръ? Оставилъ Акулину. Плутъ Карпушка даетъ Акулинѣ коровай хлѣба па недѣлю, а Акулинѣ коровая хлѣба па недѣлю мало... Охъ, шальной батька, зачѣмъ умеръ?

И выводится этотъ причетъ на разные голосисто-протяжные похоронные тоны, иногда до сотни разъ...

Но иной разъ подъ бѣльмъ деревяннымъ крестомъ на свѣжей могилѣ лежитъ молоденькая женщина. Вокругъ нея не стоятъ услужливыя бабы, любительницы воплей: въ неѣ нѣтъ уже никакой искусственности, никакого расчета на эффектъ; вся она погрузилась въ свое неисходное горе; изъ ея бѣдной груди, сжатой тоской, вылетаютъ неровные удущивые вздохи и всхлипыванья; жгучія слезы ручьемъ текутъ на желтый песокъ могилы. Здѣсь истинная горесть. Она остается молчалива и не ищетъ свидѣтелей...

X.

Въ селѣ на улицѣ приготавляются особаго рода перила, къ которымъ ставятся и прикрѣпляются образа на время служенія молебна. Передъ перилами ставится большая скамья. На скамью сносится столько ковригъ хлѣба, сколько въ селѣ домовъ, и точно сто. Бкоже пирогъ, которые кладутся на ковриги. Эти ковриги и пироги составляютъ плату духовенству за молебенъ. Тутъ же на скамейкѣ опять являются кануны, т. е. разнаго рода сусло. За всѣмъ этимъ передъ перилами ставится столъ для помѣщенія чаши.

Принесли образа и прикрепили къ периламъ. Тереня въ своемъ франтовскомъ нарядѣ съ Егоремъ на груди преважно поставилъ на столъ мѣдную выбѣленную чашу для святой воды, приказалъ туда влить воды, покуда еще обыкновенной. Кадильникъ раздулъ кадило: попомар въ подобныхъ случаяхъ не занимается этимъ дѣломъ.

Бабы и дѣнушки тутъ же дѣлаютъ свои пожертвованія въ церковь. Эти пожертвованія состоять главнымъ образомъ изъ полотенецъ, вытканыхъ и вышитыхъ самими жертвовательницами. Эти полотенца, сколько бы ни было ихъ пожертвовано, вѣсятся и прикрѣпляются къ иконамъ, на которыхъ и остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не возвратятъ въ церковь. Тамъ ихъ убираетъ староста. Точно также

идутъ въ церковь и тѣ полотенца, которыми прикрѣпляются иконы къ плечамъ мужиковъ, во время ихъ переноски. Жертвуются также мѣдные, иногда серебряные кресты, какіе носятся на груди. Они обыкновенно на узенькой бумажной розовой или широкой атласной лентѣ вѣслится на вѣнички иконъ. Множество полотенцевъ и крестовъ можно почти всегда замѣтить на иконахъ и въ церкви.

Передъ собраніемъ всѣхъ жителей села отъ маля до велика и постороннихъ зрителей и богомольцевъ служится водосвятный молебень.

Послѣ молебна священникъ со святою водою, иконами и причтомъ становится на концѣ села, гдѣ, обыкновенно узкимъ прогономъ, начинается скотскій выгонъ.

Въ это время начинается освобожденіе со дворовъ и изъ хлѣвовъ домашняго скота. Молодые ребята, скинувшись сибирки, въ одѣяхъ рубашкахъ красныхъ или пестрыхъ, въ плисовыхъ широкихъ штанахъ, въ сапогахъ, ведутъ подъ уздцы лошадей, па этотъ разъ вычищенныхыхъ и увѣшанныхъ множествомъ побрякушекъ, иногда лентами, вплетенными въ гриву. На долю прекраснаго пола, особенно дѣвушекъ, выпадаетъ выгонъ изъ хлѣвовъ коровъ и барановъ. Священникъ кроитъ все это безсловесное населеніе села святою водою.

Окропивши домашній скотъ, церковная процесія отправляется вокругъ поля. Поля кропятся святой водой.

По возвращеніи съ поля, церковники отправляются обѣдать. Тоже дѣлаютъ всѣ козяева съ своими гостями, которыхъ набѣжаетъ па праздникъ со всѣхъ сторонъ. Чужой народъ тоже или расходится по домамъ, или покуда остается на улицѣ, образуя кружки, трактуя и тараторя о томъ, что взбредетъ па умъ-разумъ.

XI.

Въ праздникъ изба принимаетъ тоже праздничный видъ. Такъ какъ избы почти всѣ черныя, безъ трубъ, съ отверстиемъ на потолкѣ или верхней части стѣны для выхода дыма, который, прежде нежели попадетъ въ это отверзіе, густыми клубами разстилается по избѣ, вслѣдствіе чего на потолкѣ и верхней части избы образуются хлопья сажи, и такъ какъ полы никогда не моются,—то прежде всего дѣло въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что сметаютъ съ потолка висящіе хлопья сажи и, намочивши полъ, скребутъ его желѣзной лопаткой; но на полу бываетъ такой толстый слой грязи, что и послѣ этой скребетки ея остается очень много. Съ полатей убирается разный закоптѣлый хламъ—грабли, вилы, драницы, полозья, об-

ломки старыхъ колесъ, пивыя прутья и прочая дрянь, которая подъ толстымъ слоемъ сажи почему-то постоянно лежитъ на полатяхъ;— остается вадъ полатями одинъ мѣшокъ съ лукомъ, который, перегнувшись на жордочкѣ, всплыть подъ самыми потолкомъ, да еще закоптѣвшія доски, которыя еще прошлою зимою накладены подъ потолкомъ для просушки. Съ печки тоже убирается всякое лохмотье, пзъ подъ лавокъ—множество лаптей старыхъ и новыхъ, множество онучъ разныхъ величинъ и цвѣтовъ. На стѣны наклеивается большее или меньшее количество любимыхъ картинъ національной сузальской школы. Закоптѣвшія до такой степени, что рѣшительно неизнатъ лика, иконы выносятся и вмѣсто нихъ ставятся болѣе новыя, кромѣ праздниковъ, постоянно хранящіяся въ клѣти.

Въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть дѣвушка-невѣста, стѣны избы украшаются множествомъ полотенецъ съ разными яркими вышиваньями. Полотенца симметрично развѣшиваются на желѣзныхъ гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну.

Въ переднемъ углу, подъ образами, стоитъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью. Столъ обставляется скамьями. На столѣ положена коврига хлѣба, два ножа, ложки и поставлена соль въ деревянной солонкѣ, обвитой лыкомъ и похожей на кресло. Тарелокъ, вилокъ, салфетокъ и т. п., разумѣется, не бываетъ на столѣ. За столъ садятся гости и семья. Хозяинъ приносить добрую «сулечу» зелена вина, т. е. сивухи. Хозяйка ставить на столъ горячіе щи, т. е. то, что называется щами, жидкій овсяный супъ съ бараниной или говядиной, пироги ячные и пшеничные черные: бѣлая покупная мука почти не употребляется. Если у хозяина есть молодой зять, то онъ идетъ за пивомъ: дорогому зятю предоставляется хозяиномъ-тестемъ полное право въ каждое время дня и ночи самому ходить за пивомъ, пить его, сколько можетъ вмѣстить его угроба, и подчивать своихъ пріятелей. Впрочемъ, по большей части въ первый день праздника за пивомъ ходить далеко не приходится; потому что нѣсколько бочепковъ приносится въ избу и ставится на лавку. Въ праздникъ пива истребляется громадное количество; поэтому для того, чтобы было постоянно поль рукой, оно приносится въ избу.

Послѣ обѣда хозяевъ и ихъ родственниковъ со стола ничто не убирается и столъ остается закрытымъ въ продолженіе всего дня. Каждаго зашедшаго въ избу безъ всякаго приглашенія, будь онъ знакомый или незнакомый, тамошній житель или случайно проѣзжающій человѣкъ, просятъ откушать и «отвѣдѣть» пивка. Передъ гостемъ становится пиво, пироги, а если онъ хочетъ обѣдать, то ему представлять и полный обѣдъ, однимъ словомъ, каждый желающій въ каждомъ дому во время праздника можетъ найти выпить, закусить,

пообщаться, какъ у себя дома. Гостепріимство развито въ высшей степени, особенно въ праздничное время.

Полный обѣдъ спрашиваютъ постыдители только въ началѣ днѧ, когда всѣ бывають голодны. Потомъ дѣло ограничивается однимъ пивомъ да кускомъ пирога. За то сколько пьютъ пива! Хорошій питухъ обходитъ всю деревню и въ каждой избѣ выпиваетъ полъпено-ды, не поморщившись, только обогреть усы да крякнетъ.

Для болѣе почетныхъ и уважаемыхъ гостей у каждого хозяина есть кѣль, гдѣ хранится мука, крупа и прочее снадобье, или маленькая «бѣлая» холодная горечка, теремокъ. Тамъ принимаются гости приглашенные и вызываются изъ избы пришедшіе безъ приглаше-нія, но «люди поштенные», которыхъ стоитъ попотчивать. Въ кѣль или горенкѣ, кроме пива, подается супейка винца, рыбническъ, жареная баранья лопатка, оладья и, пожалуй, оленина. Оленина хотя далеко уступаетъ говядинѣ, но по своей рѣдкости чрезвычайно ува-жается и составляетъ одно изъ самыхъ почетныхъ блюдъ.

Званый обѣдъ для церковниковъ бываетъ церемоніальне проста-го обѣда. Въ переднемъ углу, гдѣ сходятся лавки подъ божицей или въ «сутыкахъ», сидитъ попъ. Это его постоянное и привилегирован-ное мѣсто. Если съ церковниками есть ихъ жены, то они помѣщаются по правую его сторону; лѣвую занимаетъ причтъ съ семинаристами; конецъ замыкаетъ Теренія. На скамье сидить пономарь. Съ церковни-ками, по большей части, садится хозяинъ на скамью подъ пономаря, наливаетъ водку и подаетъ сперва батюшкѣ руками безъ подноса, по-томъ уже по чинамъ. Хозяйка, молодая невѣстка или дочь точно так-же наливаютъ пиво въ жестяные стаканы и точно также безъ подноса подаютъ тому, кто только что проглотилъ рюмку водки, для того, чтобы «запить вино». Прочія женщины хлопочутъ около кушанья. Кстати: въ Тотемскомъ и Вельскомъ уѣздахъ, въ подобныхъ случаяхъ, все се-мейство падаетъ ницъ передъ гостемъ, взявшимъ стаканъ и лежитъ въ такомъ положеніи на полу до тѣхъ поръ, пока гость не выпить стакана. Гость, выпивая водку или пиво, «оставляетъ постельку» для хозяина съ хозяйкой, т. е. никогда не выпиваетъ цѣлаго стакана, а непремѣнно оставляетъ на днѣ часть напитка.

Съ половины обѣда гости начали приходить «въ куражъ», весело зашумѣли. Старый дѣячокъ, «подъ куражомъ» чрезвычайный люби-тель пѣнія, не усидѣлъ за столомъ, всталъ и пошелъ распѣвать пѣсню, потомъ принялъся задавать семинаристамъ разные ученые вопро-сы, на которые самъ же отвѣчалъ, потому что семинаристы не знаютъ, какъ решить ихъ, по крайней мѣрѣ, не знали прежде. Не знаю, ка-кими путями зашли такія учесные свѣдѣнія въ учепую голову понома-ра, какъ я ни бился найти въ тѣхъ мѣстахъ источникъ для почерп-

нутія таковыхъ званій. Теперь ихъ каждый можетъ читать въ «отреченныхъ книгахъ» и «Памятникахъ старинной русской литературы». Старый попомаръ обратился къ любезностямъ: опъ лѣзетъ цаловать молодую хозяйку и дѣйствительно, взявши ее за ушки, «разцаловываетъ въ крестики». Хозяйка не отбивается; по тотчасъ послѣ поца-лula обтираетъ свои губы и лицо широкимъ рукавомъ своей бѣлой рубашки. Другой дѣячокъ началъ разсуждать о взятіи Царя-града Махмутомъ вторымъ. Этотъ дѣячокъ пользуется между крестьянами репутацией «умиѣющей и преученѣющей головы», которая пожалуй ученѣе головы поповой; пригомъ опъ любить еще читать проповѣди на славянскомъ языке.

Все прививается шумѣть, готорить. Одинъ Теренія не измѣняетъ своего характера; онъ по обыкновенію сидитъ, молчитъ, выпиваestъ и поплевываетъ сквозь зубы.

Изъ-за обѣда честной причтъ въ разсыпную отправляется по другимъ домамъ продолжать начатое.

На улицѣ проходитъ хороводъ молодыхъ дѣвушекъ и ребятъ. Этотъ лѣтній хороводъ однообразенъ, скученъ и утомителенъ; мало въ немъ веселости, удалыхъ пѣсень и нѣтъ почти пляски. Подъ одну какуюнибудь длинную пѣсню, кругъ, составленный изъ ребятъ и дѣвушекъ, соединенныхъ другъ съ другомъ платками, медленно движается по длиннымъ улицамъ. Кроме того въ первый день праздника онъ рѣдко и бываетъ; потому что какъ ребята, такъ и дѣвушки до вечера заняты дома гостями.

XII.

Бабы, дѣвушки, и молодые ребята сочиняютъ свои пиры на другой и третій день. Впрочемъ, и первый день не обходится безъ бабья пира.

Церковницы въ село Никольское ходятъ въ гости отдельно отъ своихъ мужей и непремѣнно по приглашенію.

Покуда онѣ сидятъ дома. Скучно въ праздникъ дома попадъямы, дѣякопицамъ, дѣячицамъ, и пономарицамъ. Дома никого нѣтъ, а звѣтыя, которыя по большей части бываютъ изъ дѣвушекъ, не идутъ звать ихъ въ гости. Вотъ онѣ секретно другъ отъ друга умылись, одѣлись, тоже секретно нѣсколько разъ каждая изъ нихъ подѣжала къ окну и посмотрѣла въ ту сторону, где находится село, чтобы узнать, не идутъ ли звѣтыя: звѣтыя нѣтъ да нѣтъ. Страшная досада беретъ никольскихъ дамъ.

Наконецъ близъ села Никольского на пригоркѣ показалась пестрая

группа дѣвушекъ, ярко блеставшихъ на солнцѣ и зелени поля своими нарядами.

Это — зватыл.

Всѣ хозяйки усѣлись дома и занялись разными бездѣлками, чтобы показать зватаимъ, что они вовсе ихъ не ждали и даже не думали ждать.

Въ избу вошли пять или шесть дѣвушекъ, три раза перекрестились и три раза въ поясъ поклонились иконамъ, поклонились хозяйкѣ и стали ее приглашать къ пиву.

Хозяйка, по обыкновенію и изъ вѣжливости, стала отказываться, представляя на видъ самые легощѣкіе предлоги. Дѣвушки усилили свои просьбы «къ пиву».

Хозяйка освѣдомилась у зватаихъ, что сказали ей другія.

Оказалось, что каждая изъ церковницъ говорила, что она пойдетъ, если только пойдутъ другія.

Какъ бы то ни было, — только церковницы скоро собрались и отправились въ село Никольское вмѣстѣ съ зватаими.

Для сихъ дорогихъ гостей накрывается столъ въ горенкѣ. Для дамъ приготавляется особый, изысканный столъ. Для пихъ ставится легкое, дамское или просто «ботанецъ», т. е. сивуха, настосная ма-линой и даже не подслащена сахаромъ, сладкій пирогъ и прочія угощенія. Но въ особенности, непремѣнно и прежде всего ставится на столъ самоваръ огромнѣйшей величины: крестьяне, которые имѣютъ самоваръ, такъ ужъ имѣютъ не просто самоваръ, а самоваръ, чтобы было изъ чего попить въ волюшку. Самоваръ обыкно-венно вышивается весь съ небольшими остановками между чашками, когда довольно быстро обходитъ кругомъ стола пузатенький стакан-чикъ дамского, то и дѣло наполняемый хозяйкою. Чаю выпивается невѣроятное количество. Дамское тоже частенько опрокидывается изъ стакановъ въ горла дамъ.

Въ половинѣ часовнія дамы уже порядкомъ раскрасѣлись, повесѣли и начали повизгивать и тарагорить все громче и громче... Дѣячокъ, проходившій мимо и услыхавшій бабій шумъ, сейчасъ же смыкнулъ, что «будетъ болѣе ладно», если онъ затешется въ бабью пирюшку. Не долго раздумывая, онъ поноротилъ паздъ, памѣгпль на крыльце, вошелъ въ сѣни и какъ Deus ex machina, или какъ свѣтъ на голову, чежданно-негаданно явился въ горницѣ. Дѣячокъ прежде всего поздравилъ съ праздникомъ «хозлина съ хозяйкой и малыми дѣточками», и пошелъ отхватывать трепака. За это онъ былъ приглашенъ сѣсть на почетное мѣсто и приглашенъ погостить. Тамъ услышалъ шумъ пономарь; пришелъ и тотъ въ горницу. Хозлинъ привелъ гостя. Приглашенъ былъ учитель сельского училища, писарь

съ писарихой, цѣловальникъ съ цѣловальничихой, — вообще, собралась вся никольская аристократія. Затащены были въ горницу и бывшіе въ наличности семинаристы и дьяконъ. Компанія собралась порядочная. Снова былъ поставленъ самоваръ и снова истощенъ до основанія.

Въ самомъ разгарѣ кутежа, когда уже весь понемножку становились веселѣе, изъ другаго дома пришелъ мужикъ съ своей женой приглашать честную компанію къ себѣ.

Прежде всего мужикъ обратилъся къ попадѣ съ такими словами:

— Ваше благословеніе, матушка, милости просимъ ко мнѣ чайку откупашть, пивка выпить.

Такимъ названіемъ попадѣи мужикъ хотѣлъ оказать ей особенную честь.

Ту же честь онъ хотѣлъ оказать и прочимъ посѣтительницамъ.

— И васъ, священныій причетъ и честная компанія, милости просимъ по отставать отъ ся благословенія, матушки: мы рады дорогимъ гостямъ, а пива и чаю у меня и телятамъ не выпить...

«Ея благословеніе, священныій причетъ», т. е. попадѣя, дьяконица, дьячицы, пономарицы и просвирница, и «честная компанія», т. е. пономарь, писариха, учитель, цѣловальничиха, цѣловальникъ, прикащикъ. бабы и два семинариста, гурьбой отправились въ другой домъ, въ другую горенку.

Опять явился самоваръ неизбѣжный, который опять былъ истощенъ до основанія. Сюда какъ-то забрался мужикъ Сысой, который не принадлежитъ ни къ священному причту, ни къ честной компаніи, но который чрезвычайно любить биться около того и другой въ праздничное время. Онъ, виѣсто чаю, предпочиталъ пить изъ чайной чашки теплую воду съ сахаромъ «въ прикусочку».

Въ этомъ дому дамы и мужчины, всегда предпочитающіе «урѣзать простецкаго, чистаго», въ особенности, очень мало обращали вниманія и даже съ пренебреженіемъ относились къ ботанцу, и прошли «чистаго», т. е. сивухи, неиспорченной никакой примѣсью.

Здѣсь послышались пѣсни. Гостили еще не плясали, а ужъ заливались развеселыми пѣспями.

Изъ этого дома честная компанія, уже значительно развеселѣвшая, отправилась съ пѣснями, сказавши предварительно:

— Спасибо этому дому, пойдемъ къ другому.

Въ новомъ дому повторилось тоже самое, что и въ прежнихъ, начинавшее съ неизбѣжного самовара, съ тѣмъ только отличиемъ, что здѣсь уже всѣ пошли въ присядку и съ пляскою отправились въ новый домъ, оттуда еще. Вездѣ, разумѣется, пили чай и, по преимуществу, пили его дамы: мужчины опять предпочли «урѣзать простецкаго».

Я не разъ былъ свидѣтелемъ неимовѣрнаго истребленія чаю никольскими аристократками и увѣряю, что вышенаписанные дамы способны съ утра до вечера пить чай. Имъ это ровно ничего незначитъ, только что двѣ-три изъ нихъ выйдутъ изъ комнаты на нѣсколько минутъ отдохнуть... въ сѣни, послѣ чего долго смыкаются и снова принимаются за чай.

Теплый вечеръ уже проходилъ. Заря становилась блѣднѣе и блѣднѣе и начала потухать. Въ свѣтлыхъ прозрачныхъ облакахъ то и дѣло блистала зарница, ярко вспыхивая и освѣщающая краснымъ свѣтомъ поля, гору, лѣсъ, болото, церковь и пьяное село. Хозяйки, если не были пьяны, а то работницы или дочери ихъ «управились со скотиной». Мальчишки, насмотрѣвшись днемъ разныхъ диковинокъ, представляли пѣть себя пьяныхъ, валялись на улицѣ и заводили между собою драку. Собаки лаяли, въ полпомъ смыслъ, на луну: компанія вздумала двинуться домой.

На этотъ разъ ея шествіе было не такимъ скромнымъ, какимъ было оно въ началѣ дня. Тогда шло не болѣе десяти лицъ. Теперь къ нимъ присоединились не только тѣ лица, которыхъ постепенно прибывали на пиръ, но почти всѣ хозяйки, у которыхъ была въ гостяхъ компанія, присоединились иѣкоторые хозяева, присоединилось нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ ребятъ.

Какъ двинулась честная компанія, такъ и шла она, покачиваясь сѣмо и овамо, но съ громкими пѣснями и плясками. Дорога была не длинная, однако же шли долго, безпрестанно останавливаясь или для дружескихъ объясненій, или для пляски. Даже очень солидныя, почтенные съ просѣдью, бороды не могли утерпѣть, чтобы не трахнуть старыми kostями.

Тихій вечеръ далеко и долго разносилъ по полямъ крики, громкія, нѣльзя пѣсни, стукъ сапоговъ, босовиковъ и здоровыхъ башмаковъ о твердо утоптанную дорогу.

Не менѣе шумно и весело проводился вечеръ праздника въ сель Никольскомъ и остальнымъ людомъ.

Изъ клѣтей и горницъ чаще и громче раздавались пѣсни, оживленные крики, самыя крѣпкія выраженія и поцаули.

Къ вечеру начались общія мѣста праздника.

Второй день праздника продолжался также шумно, какъ и первый. Мужики то и дѣло переходили изъ избы въ избу цѣльными гурьбами и, побывавши въ каждой избѣ, становились все веселѣе и веселѣе. Явились и пьяные. Драка тоже не были забыта.

Кромѣ преобладающаго въ первый день мужскаго элемента, во второй день сильно давалъ себя замѣтить элементъ бабий съ своими криками, пѣснями и визготней.

Въ этотъ день бабы, управлявшись какъ можно раньше дома и поготовивши всего, что нужно на день, собирались гоститься между собою. Гоститься значитъ то, что бабы со всей деревни сходятся въ одну избу и затѣваютъ пиръ. Изъ одной избы онѣ переходятъ въ другую и такимъ образомъ въ кутежъ проводятъ второй и третій день.

Тоже самое дѣлаютъ парни и дѣвушки,—и они, собравшись вмѣстѣ, начинаютъ свой кутежъ. Въ эти дни у нихъ время идетъ гораздо живѣе и веселѣе, чѣмъ въ первый день праздника, идетъ безъ всякой принужденности, вполнѣ свободно. Этому, быть можетъ, не мало способствуетъ и то обстоятельство, что даже дѣвушки въ своихъ кутежахъ, какъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, не брезгуютъ не только пивомъ, но и сивухой и истребляютъ ея очень порядочное количество.

Гости разѣзжаются по домамъ не раньше вечера третьяго или четвертаго дня и ёдуть цѣлыми возами, потому что прїезжаютъ цѣлыми семействами.

ИВ. ПР—СКІЙ.

Петербургъ.
20 января 1865.